

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

АННА КАРЕНИНА

Инсценировка Николая Коляды по роману Л.Н.Толстого в двух действиях.

Город Екатеринбург

2021 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВРОНСКИЙ, Алексей Кириллович, граф – 21 год

КАРЕНИН, Алексей Александрович, муж Анны, 47 лет

КАРЕНИНА, Анна Аркадьевна, 26 лет

ЛЁВИН, Константин Дмитриевич, 32 года

ОБЛОНСКАЯ, Дарья Александровна (Долли), 33 года, жена Степана Аркадьевича

ОБЛОНСКИЙ, Степан Аркадьевич (Стива), 34 года, муж Дарьи

ВРОНСКАЯ, графиня, мать Алексея Вронского

ЩЕРБАЦКАЯ, Екатерина Александровна (Кити), позже - жена Левина, 18 лет

ЩЕРБАЦКАЯ, княгиня, мать Кити

ЩЕРБАЦКИЙ, Александр Дмитриевич, князь, отец Кити

НОРДСТОН, Мария, графиня, подруга Кити

МАДМУАЗЕЛЬ ЛИНОН, француженка

ТВЕРСКАЯ, Елизавета Фёдоровна (Бетси), княгиня, подруга Анны

КОРСУНСКИЙ, Егорушка, дирижер бала

КОРСУНСКАЯ ЛИДИ, его жена

ЖЮЛЬ ЛАНДО (Jules Landau), граф Беззубов, ясновидящий

КНЯГИНЯ МЯГКАЯ

Начальник станции

Штаб-Капитанша Калинина

Матвей

Цирюльник

Матрена

Танчурка

Гриша

Катальщик

Лакеи, прохожие, гости.

Петербург, Москва, конец 19 века

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Приближение поезда все более и более обозначалось движением приготовлений на станции. Сквозь морозный пар виднелись рабочие в полушубках, в мягких валеных сапогах, переходившие через рельсы загибающихся путей. Поезд остановился. В купе вошел Вронский.

ВРОНСКАЯ. Алеша, милый! Получил телеграмму? Здоров? Слава Богу.

ВРОНСКИЙ. Хорошо доехали?

АННА. Я все-таки с вами не согласна, графиня.

ВРОНСКАЯ. Петербургский взгляд, сударыня, петербургский ... У нас тут в Москве ...

АННА. Не петербургский, а просто женский. *(Аннушке).* Аннушка, посмотри, не тут ли брат, и пошли его ко мне.

ВРОНСКИЙ. Я вашу беседу прервал, простите. Ваш брат здесь. Я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, что вы, верно, не помните меня. Добрый день.

АННА. О, нет, я бы узнала вас всегда, потому что мы с вашей матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас. А брата моего все-таки нет.

ВРОНСКАЯ. Позови же Стиву, Алеша. Она так мила.

Анна вышла на платформу. Вронский свесился со ступеньки поезда и крикнул:

ВРОНСКИЙ. Облонский! Здесь! Сюда! *(Вернулся в купе).*

ВРОНСКАЯ. Не правда ли, очень мила? Ее муж со мною посадил, и я очень рада была. Всю дорогу мы с ней проговорили. Ну, а ты, тут не пропускаешь хороших женщин ...

ВРОНСКИЙ. Я не знаю, на что вы намекаете, тамап. Что ж, тамап, идем.

АННА *(вернулась).* Ну вот, графиня, вы встретили сына, а я брата. Да и все истории мои истощились. Дальше нечего было бы рассказывать.

ВРОНСКАЯ. Ну, нет, я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась бы. Вы одна из тех милых женщин, с которыми и поговорить, и помолчать приятно. А о сыне вашем, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться. Алеша, у Анны Аркадьевны есть сыночек восьми лет, и она никогда с ним не разлучалась и все мучается, что оставила его.

АННА. Да, мы все время с графиней говорили, я о своем, а она о своем сыне.

ВРОНСКИЙ. Вероятно, это вам очень наскучило,

АННА. Благодарю вас. Я и не видала, как провела вчерашний день. До свиданья, графиня.

ВРОНСКАЯ. Прощайте, мой дружок. Дайте поцеловать ваше хорошенькое личико. Я просто, по-старушечьи, прямо говорю, что полюбила вас. *(Анна сошла на платформу).* Очень мила.

ВРОНСКИЙ. Мамап, вы совершенно здоровы?

ВРОНСКАЯ. Все хорошо, прекрасно. Alexandre очень был мил. И Marie очень хороша стала. Она очень интересна. Крестины внука – прекрасно, а государь так благоволит к старшему сыну, своему брату ... Брат красивее тебя, и румянее, и выше ростом.

ВРОНСКИЙ. Не начинайте, тамап. Он вечно пьян.

ВРОНСКАЯ. И что ж? Умный проспится ...

ВРОНСКИЙ. Пойдемте, теперь мало народа.

Вронский взял под руку мать. Но, когда они уже выходили из вагона, вдруг несколько человек пробежали мимо. Очевидно, что-то случилось. Народ от поезда бежал назад.

ВСЕ. Что?.. Что?.. Где?.. Бросился!.. Задавило!...

СТИВА. Сторож был ли пьян, или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили. Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас! Ах, если бы вы видели, графиня. И жена его тут... Ужасно видеть ее... Она бросилась на тело. Говорят, он один кормил огромное семейство. Вот ужас!

АННА. Нельзя ли что-нибудь сделать для нее?

ВРОНСКИЙ. Я сейчас приду, тамап.

ПРОХОЖИЙ 1. Вот смерть-то ужасная! Говорят, на два куска.

ПРОХОЖИЙ 2. Я думаю, напротив, самая легкая, мгновенная.

ДАМА 1. Как это не примут мер.

ДАМА 2. Как опасно кататься на поездах!

СТИВА. Это печально, но что делать? Русский народ, он такой – под колеса поезда: запросто! Анна, но какая певица сейчас в Москве, француженка. Ты должна видеть ...

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ (Вронскому). Вы передали моему помощнику двести рублей. Потрудитесь обозначить, кому вы назначаете их?

ВРОНСКИЙ. Вдове.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ. Вдове?

ВРОНСКИЙ. Я не понимаю, о чем спрашивать.

СТИВА. Вы дали? Очень мило! Не правда ли, славный малый? Мое почтение, графиня.

ВРОНСКАЯ. Добрый день. Алеша, идем ...

СТИВА. Что с тобой, Анна?

АННА. Дурное предзнаменование.

СТИВА. Пустяки! Ты приехала, это главное. Ты не можешь представить себе, как я надеюсь на тебя.

АННА. А ты давно знаешь Вронского?

СТИВА. Да. Ты знаешь, мы надеемся, что он женится на Кити.

АННА. Да? Ну, теперь давай говорить о делах... Я получила твое письмо и вот приехала.

СТИВА. Да, вся надежда на тебя.

АННА. Ну, расскажи мне все.

СТИВА. Боже, что рассказывать? Сегодня утром всё смешалось в доме Облонских. Знаешь, Анна, где-то читал, что все счастливые семьи счастливы одинаково, или что-то в этом роде.

АННА. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

СТИВА. Так вот ... Это всё и произошло в моей семье!

Анна хохочет, бьет веером Стиву, тот тоже смеется, уворачивается.

АННА. Ты как всегда! Как всегда, Стива! В который уже раз? Как тебе не надоест вылезать из этих историй?! Ну, расскажи, как всё было ...

СТИВА. Было так

Оба хохочут. Идут с вокзала к извозчику, следом Аннушка.

Вторая картина

В доме Облонских.

СТИВА. Это все как нарочно! Ай, ай! Но что же делать? Надо жить потребностями дня, то есть, забыться. Забыться сном нельзя, по крайней мере до ночи, нельзя вернуться к той музыке, которую пели графинчики-женщины. Стало быть, надо забыться сном жизни ...

Степан Аркадьич привычным шагом подошел к окну, поднял штору и позвонил. На звонок вошел камердинер Матвей. Вслед за Матвеем вошел и цирюльник с припасами для бритья.

МАТВЕЙ. Пожалуйте.

СТИВА. Из присутствия есть бумаги?

МАТВЕЙ. На столе. От хозяина извозчика приходили. Я приказал прийти в то воскресенье, а до тех пор чтобы не беспокоили вас и себя понапрасну.

ЦИРЮЛЬНИК. Пожалуйте. Шейку порезать могу. Не дергайтесь ...

СТИВА. Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра.

МАТВЕЙ. Слава богу. Одни или с супругом?

ЦИРЮЛЬНИК. Я занят верхнею губой. Я эдак вас и до крови разрезать могу ...

МАТВЕЙ. Одни. Наверху приготовить?

СТИВА. Дарье Александровне доложи, где прикажут.

МАТВЕЙ. Дарье Александровне?

СТИВА. Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут.

МАТВЕЙ. Попробовать хотите. Слушаю-с.

ЦИРЮЛЬНИК. Прощайте.

МАТВЕЙ. Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. И сказали, что пускай делают, как им, вам, то есть, угодно.

СТИВА. А? Что? Матвей?

МАТВЕЙ. Ничего, сударь, образуется.

СТИВА. Образуется?

МАТВЕЙ. Так точно-с.

СТИВА. Ты думаешь? Это кто там?

МАТРЕНА (*входит*). Это я-с.

СТИВА. Ну что, Матреша? Ну что?

МАТРЕНА. Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! Люби кататься....

СТИВА. Да ведь не примет...

МАТРЕНА. А вы свое сделайте. Бог милостив, Богу молитесь, сударь, Богу молитесь.

СТИВА. Ну, хорошо, ступай. Ну, так давай одеваться.

Матвей уже держал приготовленную рубашку и облек в нее холеное тело барина. Два детские голоса послышались за дверьми. Дети что-то везли и уронили.

ТАНЧУРКА. Я говорила, что на крышу поезда нельзя сажать пассажиров, вот подбирай!

Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу. Девочка вбежала, обняла его.

Папочка, у тебя такие вкусные духи ...

СТИВА. Что мама? Здравствуй.

ТАНЧУРКА. Мама? Встала.

СТИВА. Значит, опять не спала всю ночь. Что, она весела?

ТАНЧУРКА. Не знаю. Она не велела учиться, а велела идти гулять с мисс Гуль к бабушке.

СТИВА. Ну, иди, Танчурочка моя. Ах да, постой ... Конфетки.

Он достал с каминя коробочку конфет и дал ей две, шоколадную и помадную.

ТАНЧУРКА. Одну Грише?

СТИВА. Да, да.

МАТВЕЙ. Карета готова. Да еще просительница. Штаб-капитанша Калинина. С полчаса.

СТИВА. Сколько раз тебе приказано сейчас же докладывать! Ну, проси же скорее.

МАТВЕЙ. Надо же вам дать хоть кофею откушать.

КАЛИНИНА (входит). Батюшка! Мне исхлопотать за мужа покойника деньги. Он был штабс-капитан, а я, стало быть, штабс-капитанша, но он, умерши, не оставил завещания, идучи к вам, ступаичи по мостовой, ищущи пути и научаясь кротости ...

СТИВА. Я понял. Я дам записочку и совет, к кому обратиться. Миленькая, я скажу: либеральная партия говорит, что в России все дурно, и действительно, у меня долгов много, денег не хватает. Либеральная партия говорит, что брак есть отжившее учреждение, и действительно, семейная жизнь доставляет мне мало удовольствия и принуждает притворяться. Либеральная партия сказала, что религия узда, и я не могу вынести без боли в ногах даже короткого молебна. И к чему в церкви все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело. Ступайте, вот, я написал, ступайте.

КАЛИНИНА. Бойко и складно и крупным, растянутым, красивым и четким почерком пишете вы, батюшка ... Записочка пособит?

СТИВА. Ступайте. Записочка к лицу, которое может пособить.

КАЛИНИНА. Спасибо, батюшка ... Идучи, ищущи, глядячи, ступаичи, научаяся ...

СТИВА. Матвей, ты тут? Да проводи уже ее! Ну, что, Матвей? Пойти или не пойти?

МАТВЕЙ. Пойти. Не впервой.

СТИВА. Молчи. *(Степан Аркадьич вошел в комнату к жене).* Долли!

Третья картина

Долли собирала чемоданы.

ДОЛЛИ. Что вам нужно?

СТИВА. Долли! Анна приедет сегодня.

ДОЛЛИ. Ну что же мне? Я не могу ее принять!

СТИВА. Но надо же, однако, Долли.

ДОЛЛИ. Уйдите, уйдите, уйдите!

СТИВА. Боже мой, что я сделал! Долли! Долли, что могу сказать? Одно: прости, прости... Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты... минуты увлечения...

ДОЛЛИ. Уйдите отсюда! И не говорите мне про ваши увлечения, про ваши мерзости!

СТИВА. Долли! Ради Бога, подумай о детях, они не виноваты. Я виноват, накажи меня, вели мне искупить свою вину! Чем я могу, я все готов! Я виноват, нет слов сказать, как я виноват! Но, Долли, прости!

ДОЛЛИ. Ты помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь. Я помню про детей и поэтому все в мире сделала бы, чтобы спасти их! Но я сама не знаю, чем я спасу их: тем ли, что увезу от отца, или тем, что оставлю с развратным отцом, да, с развратным отцом... Ну, скажите, после того, что было, разве возможно нам жить вместе? Скажите же, разве это возможно? После того как мой муж, отец моих детей, входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...

СТИВА. Но что ж делать? Что делать?

ДОЛЛИ. Вы мне гадки, отвратительны! Ваши слезы – вода! Вы никогда не любили меня; в вас нет ни сердца, ни благородства! Вы мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой!

СТИВА. Это ужасно! Ужасно! Долли, еще одно слово ...

ДОЛЛИ. Если вы пойдете за мной, я позову людей, детей! Дети, сюда! *(Прибежали дети).* Пускай все знают, что вы – подлец! Я уезжаю, а вы живите здесь со своей любовницей! *(И она вышла с детьми, хлопнув дверью).*

СТИВА. Матвей! Так устрой же все там с Марьей в диванной для Анны Аркадьевны.

МАТВЕЙ. Слушаю-с. Кушать дома не будете?

СТИВА. Как придется. Да вот возьми на расходы. Довольно будет?

МАТВЕЙ. Довольно ли, не довольно, видно обойтись надо.

Стива ушел, но тут же вбежала Долли и стала кричать Матвею и Матрене.

ДОЛЛИ. Ах, оставьте меня! Где он? Уехал! Но чем же кончил он с нею? Неужели он видает ее? Зачем я не спросила его? Нет, сойтись нельзя. Если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Навсегда чужие! А как я любила, Боже, как я любила его!.. И теперь разве я не люблю его? Не больше ли, чем прежде, я люблю его? Ужасно, главное, то ...

МАТРЕНА. Уж прикажите за моим братом послать, всё он изготовит обед. А то, по-вчерашнему, до шести часов дети не евши.

ДОЛЛИ. Ну, хорошо, я сейчас выйду и распоряжусь. Да послали ли за свежим молоком? Господи, какое молоко! А это кто?

МАТВЕЙ. Цирюльник. Расплатиться бы...

ДОЛЛИ. Мне он зачем, ваш цирюльник!

Четвертая картина

На катке. На льду собирались в этот день недели люди одного кружка, все знакомые между собою. Были тут и мастера кататься, и учившиеся за креслами, с робкими неловкими движениями, и мальчики, и старые люди, катавшиеся для гигиенических целей. Стива сидел с коньками на ногах на скамейке и, увидав Лёвина, закричал ему:

СТИВА. Лёвин, моё почтение, ты как тут?! Первый русский конькобежец! Давно ли? Отличный лед, надевайте же коньки.

ЛЁВИН. У меня и коньков нет ...

Кити подкатилась прямо к Стиве и, ухватившись за него рукой, улыбаясь, кивнула Лёвину.

СТИВА. Кити, у него нет коньков!

КИТИ. Давно ли вы здесь? *(Лёвин поднял платок, выпавший из ее муфты).* Благодарствуйте.

ЛЁВИН. Я? Я недавно, я вчера ... нынче то есть ... приехал ... Я хотел к вам ехать. Я не знал, что вы катаетесь на коньках, и прекрасно катаетесь.

КИТИ. Вашу похвалу надо ценить. Здесь сохранились предания, что вы лучший конькобежец.

ЛЁВИН. Да, я когда-то со страстью катался. Мне хотелось дойти до совершенства.

КИТИ. Вы все, кажется, делаете со страстью. Мне так хочется посмотреть, как вы катаетесь. Надевайте же коньки, и давайте кататься вместе.

ЛЁВИН. Кататься вместе! Это возможно? Сейчас надену.

КАТАЛЬЩИК. Давно не бывали у нас, сударь. После вас никого из господ мастеров нету. *(Затянул ремень Лёвину на коньке).* Хорошо ли так будет?

ЛЁВИН. Хорошо, поскорей, пожалуйста. Да, вот это жизнь, вот это счастье! Вместе, давайте кататься вместе. Сказать теперь? Но ведь я оттого и боюсь сказать, что теперь я счастлив, счастлив хоть надеждой ... А тогда?.. Но надо же! Надо, надо! Прочь слабость!

Левин стал на ноги, снял пальто и, разбежавшись по льду, покатился без усилия. Она подала руку.

КИТИ. С вами я бы скорее выучилась, я почему-то уверена в вас.

ЛЁВИН. И я уверен в себе, когда вы опираетесь на меня. У вас нет ничего неприятного?

КИТИ. Отчего же?.. Нет, у меня ничего нет неприятного. Вы не видели mademoiselle Linon?

ЛЁВИН. Нет еще.

КИТИ. Подите к ней, она так вас любит.

Левин и побежал к старой француженке с седыми букольками, сидевшей на скамейке. Улыбаясь и выставя свои фальшивые зубы, она встретила его, как старого друга.

LINON. Да, растем, и стареем. Tiny bear уже стал большой! Помните шутку о трех барышнях, которых вы называли тремя медведями из английской сказки? Помните, вы, бывало, так говорили?

ЛЁВИН. Решительно не помню. Вы уже десять лет мне это вспоминаете ...

LINON. Ах, забыли! Ну, идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли?

Лёвин снова разогнался на льду и подъехал к Кити.

КИТИ. Неужели вам не скучно зимою в деревне?

ЛЁВИН. Нет, не скучно, я очень занят.

КИТИ. Вы надолго приехали?

ЛЁВИН. Я не знаю. Я не могу уехать, ничего не решив.

КИТИ. Как не знаете?

ЛЁВИН. Не знаю. Это от вас зависит. *(Левин разбежался, удерживая равновесие руками).*

КИТИ. Не убейтесь, надо иметь привычку!

ЩЕРБАЦКАЯ. Славный, милый. Ты не любишь его? Дурно.

КИТИ. Неужели я виновата, я сделала что-нибудь дурное? Они говорят: кокетство. Я знаю, что я люблю не его. Но мне весело с ним, он такой славный. Только зачем он это сказал?

ЩЕРБАЦКАЯ. Что он, давно ли приехал?

КИТИ. Нынче, тамап.

ЩЕРБАЦКАЯ. Я одно хочу сказать ...

КИТИ. Мама, пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

ЩЕРБАЦКАЯ. Я только хочу сказать, что, подав надежду одному...

КИТИ. Мама, голубчик, ради Бога, не говорите! Так страшно говорить про это.

ЩЕРБАЦКАЯ. Не буду, не буду, но одно, моя душа: ты мне обещала, что у тебя не будет от меня тайны. Не будет?

КИТИ. Никогда, мама, никакой. Но мне нечего говорить теперь. Я если бы хотела, я не знаю, что сказать и как... я не знаю.

Левин подкатил к скамейке, где были мать с дочерью.

ЩЕРБАЦКАЯ. Рада. Четверги, как всегда, мы принимаем. Очень рады будем видеть вас.

В это время подъехал Степан Аркадьич, со шляпой набоку, блестя лицом и глазами, веселым победителем. Увидев тещу, он стал грустным.

СТИВА. Жена здорова. Да. Дети здоровы.

ЩЕРБАЦКАЯ. Ты как всегда, батюшка. И когда уже это кончится?

СТИВА. Маман, это неправда, и я бы попросил ...

ЩЕРБАЦКАЯ. Да помолчи ... Говорила я ей: не ходи за него. Прощайте же ... Кити, ты еще останешься?

КИТИ. Я хочу на воздухе, мама. Подождите меня на скамейке. Вот и папа идет ...

Кити стала кататься. Проводив взглядом тещу, Стива радостно кинулся к Лёвину.

СТИВА. Я очень рад, что ты приехал. У меня горе. Жена узнала, что я был в связи с француженкою-гувернанткой, и объявила, что не может жить со мной. И как хорошо все было до этого, как мы хорошо жили! Долли глупа и довольна, участлива детьми, я не мешал ей ни в чем, предоставлял ей возиться с детьми, с хозяйством, как она хотела. Правда, нехорошо, что эта моя была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо!

ЛЁВИН. Есть что-то пошлое в ухаживанье за своею гувернанткой.

СТИВА. Но какая гувернантка! Ах, какие у нее черные плутовские глаза, какая улыбка. И пока она была у нас в доме, я не позволял себе ничего. И хуже всего то, что она уже... Едем? У тебя есть извозчик? В «Англию» или в «Эрмитаж»? Ты ведь любишь тюрбо?

ЛЁВИН. Что? Тюрбо? Да, я ужасно люблю тюрбо. Я еще тут побуду.

Приятель катался по кругу катка, не обращая внимания ни на кого, и болтали, иногда понижая голос при виде кого-то из знакомых, кто так же лихо рассекал на коньках мимо них.

СТИВА. Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам. У тебя все впереди.

ЛЁВИН. А у тебя разве уж назади?

СТИВА. Нет, хоть не назади, но у тебя будущее, а у меня настоящее – так, в пересыпочку. Так ты зачем же приехал в Москву?..

ЛЁВИН. Ты догадываешься? Ну что же ты скажешь мне? Как ты смотришь на это?

СТИВА. Я? Я ничего так не желал бы, как этого, ничего. Это лучшее, что могло бы быть.

ЛЁВИН. Ты знаешь, о чем мы говорим? Ты думаешь, что это возможно?

СТИВА. Думаю, что возможно. Отчего же невозможно?

ЛЁВИН. Нет, ты точно думаешь, что это возможно? Нет, ты скажи все, что ты думаешь! Ну, а если, если меня ждет отказ?.. И я даже уверен... Так мне иногда кажется. Ведь это будет ужасно и для меня, и для нее.

СТИВА. Ну, во всяком случае для девушки тут ничего ужасного нет. Всякая девушка

гордится предложением.

ЛЁВИН. Да, всякая девушка, но не она.

СТИВА. Для тебя все девушки в мире разделяются на два сорта: один сорт – это все девушки в мире, кроме нее, и эти девушки имеют все человеческие слабости, и девушки очень обыкновенные. Другой сорт – она одна, не имеющая никаких слабостей и превыше всего человеческого. Как это смешно.

ЛЁВИН. Нет, ты постой, постой. Ты пойми, это для меня вопрос жизни и смерти. Я никогда ни с кем не говорил об этом. И ни с кем я не могу говорить об этом, как с тобой. Ведь вот мы с тобой по всему чужие: другие вкусы, взгляды. Но я знаю, ты меня любишь и понимаешь, и от этого я тебя ужасно люблю.

СТИВА. Я тебе скажу: моя жена – удивительнейшая женщина ... У нее есть дар предвидения. Она насквозь видит людей. Но этого мало, – она знает, что будет, особенно по части браков. Так, что она говорит, что Кити будет твоею женой непременно.

ЛЁВИН. Я всегда говорил, что она прелесть, твоя жена.

СТИВА. Хорошо, но закончим кататься?

Графиня Нордстон была сухая, желтая, с черными блестящими глазами, болезненная и нервная женщина. Графиня Нордстон подъехала и тотчас же накинулась на Левина.

НОРДСТОН. Константин Дмитрич! Опять приехали в наш развратный Вавилон? Что, Вавилон исправился или вы испортились?

ЛЁВИН. Мне лестно, графиня, что вы помните мои слова. Они на вас очень действуют.

НОРДСТОН. Ах, как же! Я все записываю. Вы надолго приехали в Москву? Ведь вы, кажется, мировым земством занимаетесь, и вам нельзя надолго.

ЛЁВИН. Нет, графиня, я не занимаюсь более земством. Я приехал на несколько дней.

НОРДСТОН. Что-то с вами особенное, вы не втягиваетесь в свои рассуждения. Но я уж выведу вас. Ужасно люблю сделать его дураком пред Кити, и сделаю. А вот и она.

КИТИ. Не надо.

НОРДСТОН. Надо. Константин Дмитрич, растолкуйте мне, пожалуйста, что такое значит, – вы все это знаете, – у нас в калужской деревне все мужики и все бабы все пропили, что у них было, и теперь ничего нам не платят. Что это значит? Вы так хвалите всегда мужиков.

ЛЁВИН. Извините, графиня, но я, право, ничего этого не знаю и ничего не могу вам сказать.

НОРДСТОН. Не забудьте, у нас будет спиритический сеанс, я жду вас, есть очень сильный медиум, граф Беззубов, ясновидящий, будет, мы ждем вас!

СТИВА. Я украду его, графиня ... *(Покатились по кругу).* Что она тебе болтала?

ЛЁВИН. Ах, как всегда глупости. Ведь я уехал, потому что решил, что с Кити ничего не может быть, понимаешь, как счастье, которого не бывает на земле. Бился с собой и вижу, что без этого нет жизни. И надо решить...

СТИВА. Для чего же ты уезжал?

ЛЁВИН. Ах, постой! Ах, сколько мыслей! Сколько надо спросить! Ты ведь не можешь представить себе, что ты сделал тем, что сказал. Я так счастлив ... Вот ты женился, ты знаешь это чувство ... Ужасно, что мы – старые, вдруг сближаемся с существом чистым, невинным. Это отвратительно, и поэтому нельзя не чувствовать себя недостойным.

СТИВА. Ну, у тебя грехов немного.

ЛЁВИН. Ах, все-таки, все-таки, «с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь ...» Да.

СТИВА. Что ж делать, так мир устроен.

ЛЁВИН. Одно утешение, как в молитве, что не по заслугам прости меня, а по милосердию.

СТИВА. Я тебе должен сказать. Ты знаешь Вронского?

ЛЁВИН. Нет, не знаю. Зачем мне знать Вронского?

СТИВА. А затем тебе знать Вронского, что это один из твоих конкурентов.

ЛЁВИН. Что такое Вронский?

СТИВА. Вронский – это один из сыновей графа Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской. Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем – очень милый, добрый малый. Ну-с, он появился вскоре после тебя, и, как я понимаю, он по уши влюблен в Кити, и ты понимаешь, что мать ...

ЛЁВИН. Извини меня, я не понимаю ничего.

СТИВА. Ты постой. Я тебе сказал, что мне кажется, шансы на твоей стороне. Но я бы советовал решить дело скорее. Подкати к ней сейчас делать предложение, и да благословит тебя Бог... Да, брат, – женщины – это винт, на котором все вертится. Вот и мое дело плохо, очень плохо. И все от женщин. Ты мне скажи откровенно, ты мне дай совет.

ЛЁВИН. Но в чем же?

СТИВА. Вот в чем. Положим, ты женат, ты любишь жену, но ты увлекся другою женщиной...

ЛЁВИН. Извини, но я решительно не понимаю этого. Это все равно как я бы теперь, наевшись, тут же пошел мимо калачной и украл бы калач.

СТИВА. Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься. Ты пойми, что женщина, та гувернантка, милое существо, кроткое, одинокая и всем пожертвовала. Теперь, когда уже дело сделано, – ты пойми, – неужели бросить ее? Положим: расстаться, чтобы не разрушить семейную жизнь. Но неужели не пожалеть ее, не устроить, не смягчить?

ЛЁВИН. Ну, уж извини. Я прелестных падших созданий не видал и не увижу, а такие, как та крашенная француженка, с завитками, – это для меня гадины, и все падшие – такие же.

СТИВА. А евангельская?

ЛЁВИН. Перестань! Христос не сказал бы этих слов, если бы знал, как будут злоупотреблять ими. Из всего евангелия только и помнят эти слова. Я говорю не то, что думаю, а то, что чувствую. Я имею отвращение к падшим женщинам. Ты пауков боишься, а я этих гадин. Ты ведь, наверно, не изучал пауков и не знаешь их нравов: так и я.

СТИВА. Что ж делать, ты мне скажи, что делать? Жена стареется, а ты полон жизни. Ты не успеешь оглянуться, как ты уже чувствуешь, что ты не можешь любить жену. А тут вдруг подвернется любовь, и ты пропал, пропал! Да, и пропал. Но что же делать?

ЛЁВИН. Не красть калачей.

СТИВА. О моралист! Но ты пойми, одна настаивает только на своих правах, и права эти твоя любовь, которой ты не можешь ей дать, а другая жертвует тебе всем и ничего не требует. Что тебе делать? Как поступить? Тут страшная драма.

ЛЁВИН. Я не верю, чтобы тут была драма. «Покорно вас благодарю за удовольствие, мое почтение», вот и вся драма. А впрочем, может, ты и прав. Но я не знаю, решительно не знаю.

СТИВА. Все разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни складывается из тени и света.
Лёвин увидел, что Кити села на скамейку передохнуть.

ЛЁВИН. Я сейчас. Ступай. *(Сел рядом с Кити).* Я только того и хотел, чтобы застать вас одну.

КИТИ. Мама ждет. Она вчера очень устала. Вчера ...

ЛЁВИН. Я сказал вам, что не знаю, надолго ли я приехал ... что это от вас зависит ... Что это от вас зависит. Я хотел сказать ... Я за этим приехал ... что ... прошу быть моею женой!

КИТИ. Этого не может быть ... простите меня ... *(Кити встала на коньки и уехала).*

ЛЁВИН. Это не могло быть иначе.

В это время на дальней скамейке у катка происходила одна из часто повторявшихся между родителями сцен за любимую дочь.

ЩЕРБАЦКАЯ. Вот и хорошо. Кажется, дело с Вронским кончено ...

ЩЕРБАЦКИЙ. Отвратительно!

ЩЕРБАЦКАЯ. Что?

ЩЕРБАЦКИЙ. Что? Вот что! То, что в вас нет гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этим сватовством, подлым, дурацким!

ЩЕРБАЦКАЯ. Да помилуй, ради самого Бога, князь, что я сделала?

ЩЕРБАЦКИЙ. А вот что: вы заманиваете жениха, и вся Москва будет говорить, и резонно. Если вы делаете вечера, так зовите всех этих тютюков, позовите тапера, пускай пляшут, а не так, как нынче, – женишков сводить. Мне видеть мерзко, вы добились, вскружили голову девчонке. Лёвин в тысячу раз лучше человек. А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянь. Да хоть бы он принц крови был, моя дочь ни в ком не нуждается!

ЩЕРБАЦКАЯ. Да что же я сделала?

ЩЕРБАЦКИЙ. А то...

ЩЕРБАЦКАЯ. Знаю я, что если тебя слушать, то мы никогда не отдадим дочь замуж. Если так, то надо в деревню уехать.

ЩЕРБАЦКИЙ. И лучше уехать.

ЩЕРБАЦКАЯ. Да постой. Разве я заискиваю? Я нисколько не заискиваю. А молодой человек, и очень хороший, влюбился, и она, кажется...

ЩЕРБАЦКИЙ. Да, вот вам кажется! А как она в самом деле влюбится, а он столько же думает жениться, как я?.. Ох! Не смотрели бы мои глаза!.. «Ах, спиритизм, ах, Ницца, ах, на бале...». А вот, как сделаем несчастье Кити, как она в самом деле заберет в голову...

ЩЕРБАЦКАЯ. Да почему же ты думаешь?

ЩЕРБАЦКИЙ. Я не думаю, а знаю, на это глаза есть у нас, а не у баб. Я вижу человека, который имеет намерения серьезные, это Лёвин. И вижу перепела, как этот шелкопер, которому только повеселиться.

ЩЕРБАЦКАЯ. Ну, уж ты заберешь в голову...

ЩЕРБАЦКИЙ. А вот вспомнишь, да поздно, как было с Дашенькой.

ЩЕРБАЦКАЯ. Ну, хорошо, хорошо, не будем говорить ...

ЩЕРБАЦКИЙ. И прекрасно, и прощай!

ЩЕРБАЦКАЯ. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! ...

Пятая картина

Долли и Анна. В доме Облонских.

ДОЛЛИ. Как, уж приехала?

АННА. Долли, как я рада тебя видеть!

ДОЛЛИ. И я рада. Ну, пойдем, я тебя проведу в твою комнату.

АННА. Это Гриша? Боже мой, как он вырос! Нет, позволь никуда не ходить.

ДОЛЛИ. А ты сияешь счастьем и здоровьем!

АННА. Я?.. Да. Боже мой, Таня! Ровесница Сереже моему. Прелестная девочка, прелесть! Покажи же мне всех.

ДОЛЛИ. Ну, так пойдем к ним. Вася спит теперь, жалко.

АННА. Шестеро?

ДОЛЛИ. Да.

АННА. Долли, он говорил мне. Долли, милая! Я не хочу ни говорить тебе за него, ни утешать, это нельзя. Но, душенька, мне просто жалко, жалко тебя всею душой!

ДОЛЛИ. Утешить меня нельзя. Все потеряно после того, что было, все пропало!

АННА. Но, Долли, что же делать? Как лучше поступить в этом ужасном положении?

ДОЛЛИ. Все кончено. И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить. Дети, я связана. А с ним жить я не могу, мне мука видеть его.

АННА. Долли, голубчик, он говорил мне, но я от тебя хочу слышать, скажи мне все.

ДОЛЛИ. Изволь. Но я скажу сначала. Ты знаешь, как я вышла замуж. Я с воспитанием татап не только была невинна, но глупа. Я ничего не знала. Говорят, я знаю, мужа рассказывают женам своим прежнюю жизнь, но Стива ... Степан Аркадьич ничего не сказал мне. Ты не поверишь, но я до сих пор думала, что я одна женщина, которую он знал. Так я жила восемь лет. Я не только не подозревала неверности, но я считала это невозможным, и тут, представь, узнать вдруг весь ужас, всю гадость... Быть уверенной вполне в своем счастье, и вдруг ... и получить письмо его к своей любовнице, к моей гувернантке. Я понимаю еще увлечение, но обдуманно, хитро обманывать меня ... с кем же?.. Продолжать быть моим мужем вместе с нею ... это ужасно! Ты не можешь понять ...

АННА. О нет, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю.

ДОЛЛИ. Ты думаешь, он понимает весь ужас моего положения? Нисколько! Он счастлив!

АННА. О нет! Он жалок, он убит раскаянием...

ДОЛЛИ. Способен ли он?

АННА. Да, я его знаю. Я не могла без жалости смотреть на него. Мы его обе знаем. Он добр, но он горд, а теперь так унижен. Главное, что меня тронуло – его мучают две вещи: то, что ему стыдно детей, и то, что он, любя тебя... да, да, любя больше всего на свете, сделал тебе больно, убил тебя. «Нет, нет, она не простит», – все говорит он.

ДОЛЛИ. Но как же простить, как мне опять быть его женою после нее? Мне жить с ним теперь будет мученье, потому, что я люблю свою прошедшую любовь к нему ... Она ведь молода, ведь она красива. Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота

взяты им и его детьми. На этой службе ушло все мое, и ему теперь, разумеется, свежее пошлое существо приятнее. Зачем я стараюсь, тружусь? Зачем дети? Ужасно, что душа моя перевернулась и вместо любви, нежности у меня к нему одна злоба, да. Я бы убила его и ...

АННА. Душенька, Долли, я понимаю, но не мучь себя. Ты так оскорблена ...

ДОЛЛИ. Что делать, подумай, Анна, помоги. Я все передумала и ничего не вижу.

АННА. Я его сестра, я знаю его характер. Он не понимает, как он мог сделать то, что сделал.

ДОЛЛИ. Нет, он понимает, он понимал! Но я ... ты забываешь меня ... разве мне легче?

АННА. Но, Долли, душенька, я понимаю твои страдания вполне, только одного я не знаю: я не знаю, насколько в душе твоей есть еще любви к нему. Если есть, то прости!

ДОЛЛИ. Нет.

АННА. Я знаю людей, как Стива. Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена — это для них святыня.

ДОЛЛИ. Да, но он целовал ее ...

АННА. Я видела Стиву, когда он был влюблен в тебя. Я помню время, когда он, говоря о тебе, и какая поэзия и высота была ты для него, и я знаю, что чем больше он с тобой жил, тем выше ты для него становилась. Ты для него божество всегда была и осталась, а это увлечение не души его ...

ДОЛЛИ. Но если это увлечение повторится?

АННА. Оно не может, как я понимаю ...

ДОЛЛИ. Да, но ты простила бы?

АННА. Да, я простила бы. Я так простила бы, как будто этого не было, совсем не было.

ДОЛЛИ. Ну, разумеется, иначе бы это не было прощение. Если простить, то совсем, совсем. Ну, пойдем, я тебя проведу в твою комнату. Милая моя, как я рада, что ты приехала. Мне легче, гораздо легче стало.

Анна вышла к Стиве. Прошептала:

АННА. Стива ... Идиот ты! Иди уже, и помогай тебе Бог.

Он бросил сигару, поняв ее, и скрылся за дверью. Вошла Кити.

Кити, душенька! Как я рада! Так теперь когда же бал?

КИТИ. На будущей неделе. Один из тех балов, на которых всегда весело.

АННА. Нет, душа моя, для меня уж нет таких балов, где весело. Для меня есть такие, на которых менее трудно и скучно ... Стива мне говорил, и поздравляю вас, он мне очень нравится, я встретила Вронского на железной дороге.

КИТИ. Ах, он был там? Что же Стива сказал вам?

АННА. Стива мне все разболтал. И я очень была бы рада. Я ехала вчера с матерью Вронского, и мать, не умолкая, говорила мне про него; это ее любимец ...

КИТИ. Что мать рассказывала вам?

АННА. Ну, например, он в детстве еще что-то необыкновенное сделал, спас женщину из воды. Она просила меня поехать к ней, и я рада повидать старушку и завтра поеду к ней. Однако, Стива долго у Долли в кабинете. Я покажу карточку моего Сережи. Сейчас ...

В передней послышался звонок.

СТИВА. Кто это может быть? Верно, с бумагами. Войдите!

Вронский стоял, не снимая пальто, и что-то доставал из кармана. Он поднял глаза, увидел ее.

ВРОНСКИЙ. Нет, благодарю вас. Я только напомнить о завтрашнем обеде ... Честь имею.

Вронский вышел.

СТИВА. И ни за что не хотел войти. Какой-то он странный.

АННА. В половине десятого заехать по пустяку и не войти ... Кити! Из-за тебя?

Кити покраснела. Все переглянулись, ничего не сказав, и стали смотреть альбом Анны.

Шестая картина

Начало бала.

ЩЕРБАЦКАЯ. Позвольте вас познакомить. Константин Дмитрич Лёвин. Граф Алексей Кириллович Вронский.

ЛЁВИН. Вы и есть господин Вронский?

ВРОНСКИЙ. Так точно. Господин Ле-э-э-вин?

ЛЁВИН. Лёвин.

ВРОНСКИЙ. Очень приятно. Наслышан.

ЛЁВИН. И я о вас.

ВРОНСКИЙ. Я нынче зимой должен был, кажется, обедать с вами, но вы неожиданно уехали в деревню.

НОРДСТОН. Константин Дмитрич презирает и ненавидит город и нас, горожан.

ВРОНСКИЙ. А вы всегда в деревне? Я думаю, зимой скучно?

ЛЁВИН. Не скучно, если есть занятия, да и с самим собой не скучно.

ВРОНСКИЙ. Я люблю деревню.

НОРДСТОН. Но надеюсь, граф, что вы бы не согласились жить всегда в деревне.

ВРОНСКИЙ. Не знаю, я не пробовал подолгу. Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне, с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Ницце. Ницца сама по себе скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хорошо только на короткое время. И именно там особенно живо вспоминается Россия, и именно деревня...

НОРДСТОН. Вы, Константин Дмитрич, верите в спиритизм?

ЛЁВИН. Зачем вы меня спрашиваете? Ведь вы знаете, что я скажу.

НОРДСТОН. Но я хочу слышать ваше мнение.

ЛЁВИН. Эти вертящиеся столы доказывают, что так называемое образованное общество не выше мужиков. Они верят в глаз, и в порчу, и в привороты, а мы...

НОРДСТОН. Что ж, вы не верите? Но если я сама видела?

ЛЁВИН. И бабы рассказывают, как они сами видели домовых.

НОРДСТОН. Так вы думаете, что я говорю неправду?

КИТИ. Да нет, Константин Дмитрич говорит, что он не может верить.

ВРОНСКИЙ. Вы не допускаете? Мы допускаем существование электричества, которого не знаем, а почему не может быть новая сила, еще нам неизвестная, которая...

ЛЁВИН. Когда найдено было электричество, то было только открыто явление, и неизвестно было, откуда оно происходит и что оно производит, и века прошли прежде, чем

подумали о приложении его. Спириты же, напротив, начали с того, что столики им пишут и духи к ним приходят, а потом уже стали говорить, что это есть сила неизвестная.

ВРОНСКИЙ. Да, но спириты говорят: теперь мы не знаем, что это за сила, но сила есть, и вот при каких условиях она действует. А ученые пускай раскроют, в чем состоит эта сила. Нет, я не вижу, почему это не может быть новая сила, если она ...

ЛЁВИН. А потому, что при электричестве, как вы потрете смолу о шерсть, обнаруживается известное явление, а здесь не каждый раз - стало быть, это не природное явление!

ЩЕРБАЦКИЙ (*Лёвину*). Очень рад вас видеть.

НОРДСТОН. Князь, отпустите нам Константина Дмитрича. Мы хотим опыт делать.

ЩЕРБАЦКИЙ. Какой опыт? Столы вертеть? Ну, извините меня, дамы и господа, но, по-моему, в колечко веселее играть. В колечке еще есть смысл.

Егорушка Корсунский увидел Кити и подбежал к ней и, поклонившись, занес руку, чтоб обнять ее тонкую талию. Она оглянулась, кому передать веер, и хозяйка, улыбаясь ей, взяла его.

КОРСУНСКИЙ. Как хорошо, что вы приехали вовремя, а то, что за манера опаздывать.

Она положила левую руку на его плечо, и ножки в розовых башмаках задвигались в такт музыки.

Отдыхаешь, вальсируя с вами. Прелесть, какая легкость, precision.

ЛИДИ. Я твоя жена, не забывай.

КОРСУНСКИЙ. Мы просто кокетничаем. Что ж, еще тур? Вы не устали?

КИТИ. Нет, благодарствуйте.

КОРСУНСКИЙ. Куда же отвести вас?

КИТИ. Каренина тут, кажется ... Отведите меня к ней.

КОРСУНСКИЙ. Куда прикажете. Pardon, mesdames, pardon, pardon, mesdames

Корсунский поклонился и подал руку, чтобы провести ее к Анне Аркадьевне.

АННА. Вы и в залу входите, танцую.

КОРСУНСКИЙ. Это одна из моих вернейших помощниц. Княжна помогает сделать бал веселым и прекрасным. Анна Аркадьевна, тур вальса ...

ЩЕРБАЦКИЙ. А вы знакомы?

КОРСУНСКИЙ. С кем мы не знакомы? Мы с женой как белые волки, нас все знают. Тур вальса, Анна Аркадьевна.

АННА. Я не танцую, когда можно не танцевать.

КОРСУНСКИЙ. Но нынче нельзя.

В это время подходил Вронский.

АННА. Ну, если нынче нельзя не танцевать, так пойдемте.

ВРОНСКИЙ. Вы помните, что первая кадрили у меня?

КОРСУНСКИЙ. Pardon, pardon! Вальс, вальс!

ЛИДИ. Кити, что ж это такое? Я не понимаю этого. Кити, ты не танцуешь мазурку?

КИТИ. Нет, нет.

НОРДСТОН. Он при мне звал ее на мазурку. Она сказала: разве вы не танцуете с княжной Щербацкой?

КИТИ. Да.

АННА. Мне пора. Прощайте.

КОРСУНСКИЙ. Полно, Анна Аркадьевна. Какая у меня идея котильона! Un bijou!

АННА. Нет, я не останусь.

ВРОНСКИЙ. Я прошу вас.

АННА. Нет, я и так в Москве танцевала больше на вашем одном бале, чем всю зиму в Петербурге. Надо отдохнуть перед дорогой.

ВРОНСКИЙ. А вы решительно едете завтра?

АННА. Да, я думаю.

Сельмая картина

Поезд. Анна и Аннушка в купе.

АННА. Ну, все кончено, и слава Богу.

АННУШКА. Тепло в вагоне. Барыня, вы у окна будете?

АННА. Да, Аннушка. Буду читать. Хорошо как, да? Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому. Аннушка, милая, достань фонарик, прицепи его к ручке кресла и подай из сумочки разрезной ножик и английский роман.

АННУШКА. Я мешочек этот красный с бумагами и деньгами буду держать в руках. Он такой красивый.

АННА. Тебе нравится? Хочешь, подарю его тебе?

АННУШКА. Нет, что вы, барыня, это ваше! Я только сохраню, на руку вот намотаю шнурок ...

Аннушка дремала, держа красный мешочек на коленях. Когда тронулся поезд, все было то же, и то же. Та же тряска с постукиванием, тот же снег в окно. Анна стала читать и понимать читаемое.

АННА. Ну что же? Что же это значит? Ну что же? Неужели между мной и этим офицером-мальчиком существуют и могут существовать какие-нибудь другие отношения, кроме тех, что бывают с каждым знакомым?

Она провела разрезным ножом по стеклу, потом приложила его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости.

Мерещится что-то ... Аннушка ли подле, или чужая? Что там, на ручке, шуба ли это, или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?

Анна почувствовала, что она провалилась. Но все это было не страшно, а весело. Голос занесенного снегом человека прокричал что-то ей над ухом. Она поняла, что подъехали к станции.

АННУШКА. Выходить изволите?

АННА. Да, мне подышать хочется. Подай пелерину и платок. Тут очень жарко.

И она отворила дверь. Метель и ветер рванулись ей навстречу и заспорили с ней о двери. Ветер как будто только ждал ее, она рукой взялась за холодный столбик и, придерживая платье, спустилась на платформу. Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции. Она вздохнула еще раз, и уже вынула руку из муфты, чтобы войти в вагон, как человек заслонил ей свет фонаря. Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского.

ВРОНСКИЙ. Не нужно ли вам чего? Не могу ли я вам служить?

АННА. Вы? Вы как тут?

ВРОНСКИЙ. Не нужно ли чего-нибудь, не могу ли я вам прислужить?

АННА. Я не знала, что вы едете. Зачем вы едете?

ВРОНСКИЙ. Зачем я еду? Вы знаете, я еду для того, чтобы быть там, где вы, я не могу

иначе. Простите меня, если вам неприятно то, что я сказал.

АННА. Это дурно, что вы говорите, и я прошу вас, если вы хороший человек, забудьте, что вы сказали, как и я забуду.

ВРОНСКИЙ. Ни одного слова вашего, ни одного движения вашего я не забуду никогда и не могу...

АННА. Довольно, довольно!

И она поднялась на ступеньки и быстро вошла в сени вагона.

К утру Анна задремала и, когда проснулась, то было бело, светло и поезд подходил к Петербургу.

Аннушка, проснись, мы подъезжаем, поищи Алексея Александровича, где же он ...

АННУШКА. Вот он!

АННА. Ах, Боже мой! Отчего у него стали такие уши?

АННУШКА. Что-с?

КАРЕНИН. Да, как видишь, нежный муж, нежный, я тут и как на другой год женитьбы, я сгорал желанием увидеть тебя.

АННА. Сережа здоров?

КАРЕНИН. И это вся награда, за мою пылкость? Здоров, здоров...

ВРОНСКИЙ. Хорошо ли вы провели ночь?

АННА. Благодарю вас, очень хорошо. Граф Вронский.

КАРЕНИН. А! Мы знакомы, кажется. Туда ехала с матерью, а назад с сыном. Вы, верно, из отпуска? Что ж, много слез было пролито в Москве при разлуке?

ВРОНСКИЙ. Надеюсь иметь честь быть у вас.

КАРЕНИН. Очень рад, по понедельникам мы принимаем. И как хорошо, что у меня именно было полчаса времени, чтобы встретить тебя, и что я мог показать тебе свою нежность.

АННА. Ты слишком уже подчеркиваешь свою нежность, чтоб я очень ценила. А как без меня проводил время Сережа?

КАРЕНИН. О, прекрасно! Mariette говорит, что он был мил очень и... я должен тебя огорчить... не скучал о тебе, не так, как твой муж. Но еще раз merci, мой друг, что подарила мне день. Без поспешности и без отдыха – ты знаешь мой девиз. Да, кончилось мое уединение. Ты не поверишь, как неловко обедать одному. Наш милый самовар будет в восторге...

АННА. Зачем вы так называете Лидию Ивановну?

КАРЕНИН. Она вечно горячится. Она о тебе спрашивала. И знаешь, если я смею советовать, ты бы съездила к ней нынче. Ведь у ней обо всем болит сердце. Теперь она, кроме всех своих хлопот, занята примирением Облонских.

АННА. Да ведь я писала ей.

КАРЕНИН. Но ей все нужно подробно. Съезди, если не устала, мой друг. Ну, тебе карету подаст Кондратий, а я еду в комитет. Опять буду обедать не один ... Ты не поверишь, как я привык...

И он, долго сжимая ей руку, с особенною улыбкой посадил ее в карету.

Восьмая картина

Петербургский высший круг, собственно, один. Все знают друг друга, ездят друг к другу.
В театре:

LINON. Мы все приехали в Петербург, чтобы смотреть эту прекрасную актрису. Как ее имя?

НОРДСТОН. Нильсон.

LINON. Да, да!

БЕТСИ. Не врите. Вы приехали сюда, чтобы рассмотреть как следует роман Анны Карениной и Вронским. Об этом весь Петербург говорит. И Москва. Только один глупый муж не знает ...

ЛИДИ. Анна очень переменялась со своей московской поездки. В ней есть что-то странное.

LINON. Перемена главная та, что она привезла с собою тень Алексея Вронского.

БЕТСИ. Да что же? У Гримма есть басня: человек без тени, человек лишен тени. И это ему наказание за что-то. Я никогда не могла понять, в чем наказание. Но женщине должно быть неприятно без тени.

НОРДСТОН. Да, но если говорить про Анну: женщины с тенью обыкновенно дурно кончают.

LINON. Типун вам на язык. Каренина прекрасная женщина. Мужа ее я не люблю, а ее очень люблю.

БЕТСИ. Отчего же вы не любите мужа? Он такой замечательный человек. Муж говорит, что таких, как он, государственных людей мало в Европе.

LINON. И мне то же говорит муж, но я не верю. Если бы мужья наши не говорили, мы бы видели то, что есть, а Алексей Александрович, по-моему, просто глуп. Я шепотом говорю это... Не правда ли, как все ясно делается? Прежде, когда мне велели находить его умным, я все искала и находила, что я сама глупа, не видя его ума. А как только я сказала: – он глуп, но шепотом, – все так ясно стало, не правда ли?

НОРДСТОН. Как вы злы нынче!

LINON. Нисколько. У меня нет другого выхода. Кто-нибудь из нас двух глуп. Ну, а вы знаете, про себя нельзя этого никогда сказать.

БЕТСИ. Никто не доволен своим состоянием, и всякий доволен своим умом

LINON. Вот-вот именно. Но дело в том, что Анну я вам не отдам. Она такая славная, милая. Что же ей делать, если все влюблены в нее и, как тени, ходят за ней?

НОРДСТОН. Да я и не думаю осуждать.

БЕТСИ. Если за нами никто не ходит, как тень, то это не доказывает, что мы имеем право осуждать.

МЯГКАЯ. О чем вы там злословите?

LINON. О Карениных. Графиня делала характеристику Алексея Александровича.

МЯГКАЯ. Жалко, что мы не слышали.

НОРДСТОН. А вот и он. Искуситель. И что в нем хорошего? Ну, такой вот невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом.

БЕТСИ. В его лице и фигуре, от коротко обстриженных черных волос и свежесбритого подбородка до широкого с иголочки нового мундира, все просто и вместе изящно. И какие у него удивительные сплошные белые зубы ...

Увидав кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

Ах, можно ли так подкрадываться? Как вы меня испугали.

ВРОНСКИЙ. Эта певица ...

БЕТСИ. Нет, не говорите, пожалуйста, со мной про оперу, вы ничего не понимаете в музыке. Что ж вы не приехали обедать? Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных. Она не была. Но приезжайте после оперы. А как я вспоминаю ваши насмешки! Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

ВРОНСКИЙ. Я только того и желаю, чтобы быть пойманным. Если я жалуюсь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

БЕТСИ. Какую ж вы можете иметь надежду? Entendons nous ...

ВРОНСКИЙ. Никакой. Виноват. Я боюсь, что становлюсь смешон.

LINON. В глазах всех роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна. Но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье ...

НОРДСТОН. ... эта роль имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна ...

БЕТСИ. И потому вы с гордою и веселою, играющею под вашими усами, улыбкой смотрите на меня. Так? Так отчего вы не приехали обедать?

ВРОНСКИЙ. Это надо рассказать вам. Я был занят, и чем? Даю вам это из ста, из тысячи - не угадаете. Я мирил мужа с оскорбителем его жены. Да, право!

БЕТСИ. Что ж, и помирили?

ВРОНСКИЙ. Почти.

БЕТСИ. Надо, чтобы вы мне это рассказали. Приходите в тот антракт.

ВРОНСКИЙ. Нельзя. Я еду во Французский театр. Мне там свиданье, все по этому делу моего миротворства.

БЕТСИ. Блаженны миротворцы, они спасутся. Ну, так садитесь, расскажите, что такое?

ВРОНСКИЙ. Это немножко нескромно, но так мило, что ужасно хочется рассказать. Я не буду называть фамилий.

БЕТСИ. Но я буду угадывать, тем лучше.

ВРОНСКИЙ. Слушайте же: едут два веселые молодые человека...

БЕТСИ. Разумеется, офицеры вашего полка?

ВРОНСКИЙ. Я не говорю офицеры, просто два позавтракавшие молодые человека...

БЕТСИ. Переводите: выпившие.

ВРОНСКИЙ. Может быть. Едут на обед к товарищу, в самом веселом расположении духа. И видят, хорошенькая женщина обгоняет их на извозчике, оглядывается и, им по крайней мере кажется, кивает им и смеется. Они, разумеется, за ней. Скачут во весь дух.

БЕТСИ. Зачем вы мне такие гадости рассказываете? Ну?

ВРОНСКИЙ. Звонят. Выходит девушка, они дают письмо и уверяют девушку, что оба так влюблены, что сейчас умрут тут у двери. Девушка в недоумении ведет переговоры. Вдруг является господин с бакенбардами колбасиками, красный, как рак, объявляет, что в доме никто не живет, кроме его жены, и выгоняет обоих.

БЕТСИ. Почему же вы знаете, что у него бакенбарды, как вы говорите, колбасиками?

ВРОНСКИЙ. Опять я пускаю в ход дипломатию, и опять, как только надо заключить все дело, мой титулярный советник горячится, краснеет, колбасики поднимаются, и опять я разливаюсь в дипломатических тонкостях.

БЕТСИ. Ах, это надо рассказать вам! Он так насмешил меня. Ну, *bonne chance*. А какова нынче Клер? Чудо! Сколько ни смотри, каждый день новая... Только одни французы могут это ... Она необыкновенно хороша как актриса; видно, что она изучила Каульбаха, вы заметили, как она упала...

ВРОНСКИЙ. Ах, пожалуйста, не будем говорить про Нильсон!

МЯГКАЯ. Про нее нельзя ничего сказать нового. Мне нынче три человека сказали эту самую фразу про Каульбаха. И фраза, не знаю чем, так понравилась им.

БЕТСИ. Расскажите нам что-нибудь забавное, но не злое.

ВРОНСКИЙ. Говорят, что это очень трудно, что только злое смешно. Но я попробую. Дайте тему. Все дело в теме. Если тема дана, то вышивать по ней уже легко. Я часто думаю, что знаменитые говоруны прошлого века были бы теперь в затруднении говорить умно. Все умное так надоело...

НОРДСТОН. Давно уж сказано.

LINON. Вы слышали, и Мальтищева, не дочь, а мать, шьет себе костюм *diable rose*.

БЕТСИ. Не может быть! Нет, это прелестно!

МЯГКАЯ. Я удивляюсь, как с ее умом, не видеть, как она смешна.

БЕТСИ. Они нас звали с мужем обедать, и мне сказывали, что соус на этом обеде стоил тысячу рублей, и очень гадкий соус, что-то зеленое. Надо было бы их позвать, и я бы сделала соус на восемьдесят пять копеек, и все были бы очень довольны. Я не могу делать тысячерублевых соусов!

В ложу вошла Анна.

АННА. Я была у графини Лидии и хотела раньше приехать, но засиделась. У ней был сэр Джон. Очень интересный.

НОРДСТОН. Вронский, а я думаю, что вы будете отличный медиум, в вас есть что-то восторженное.

БЕТСИ. Давайте сейчас, княжна, испытаем столы, пожалуйста. В соседней комнате господин Ландо.

LINON. Но вы верите?

ВРОНСКИЙ. Давайте сейчас попробуем, графиня.

НОРДСТОН. Да. Господа. С нами ясновидящий, Жюль Ландо.

ВРОНСКИЙ. Что такое Ландо?

МЯГКАЯ. Он приехал из Парижа. Всех лечит. Вылечил графиню Беззубову и она его усыновила. Теперь он граф Беззубов.

У стола собрались Бетси, графиня Нордстон, Корсунский, его жена Лиди, Анна, Вронский, мадмуазель Линон.

НОРДСТОН. Начнем.

ЛИДИ. Да, да... Теперь можно тушить?

КОРСУНСКИЙ. Но почему же нужна темнота?

БЕТСИ. Темнота? А потому что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия, так же как известная температура есть условие известных

проявлений химической или динамической энергии.

LINON. И не всегда. Многим, и мне, являлись и при свечах, и при солнце.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Можно тушить?

НОРДСТОН. Да, да. Господа! Теперь прошу внимания.

БЕТСИ. Я одного боюсь: как бы Вронский не захрюкал поросенком.

ВРОНСКИЙ. Хотите? Я хвачу...

LINON. Господа! Прошу не разговаривать, пожалуйста...

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Свет! Видите, свет?

ВРОНСКИЙ. Свет! Да, да, вижу. Но позвольте...

LINON. Где, где? Ах, не видала! Вот он. Ах!..

ЛИДИ. Вы заметьте, как он вибрирует. Двойная сила. Наш медиум, месье Жюль Ландо – вибрирует!

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Я не вибрирую. Да ничего подобного!

НОРДСТОН. А ведь это он.

БЕТСИ. Кто он?

НОРДСТОН. Грек Николай. Его свет. Не правда ли, мадмуазель Линон?

ЛИДИ. Что такое грек Николай?

НОРДСТОН. Некий грек, монашествовавший при Константине в Царьграде и посещавший нас последнее время.

МЯГКАЯ. Где же он? Где же он? Я не вижу.

LINON. Его нельзя еще видеть. Месье Ландо, вы же медиум? Он будет особенно благосклонен к вам. Спросите его.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Я?

НОРДСТОН. Я спрошу. Николай! Ты это?

LINON. Он! Он!

МЯГКАЯ. Ай, ай! Я уйду.

ЛИДИ. Почему же предполагается, что это он?

НОРДСТОН. А два удара.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Утвердительный ответ, иначе было бы молчание...

Молчание. Сдержанный хохот.

НОРДСТОН. Замечайте, господа, вот колпак с лампы.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Еще что-то. Карандаш! Граф, мсье Вронский, карандаш!

НОРДСТОН. Хорошо, хорошо. Я слежу и за ним, и за греком Николаем. Вы замечаете?

ВРОНСКИЙ. Позвольте, позвольте. Я бы желал посмотреть, не производит ли всего этого сам медиум?

НОРДСТОН. Вы думаете? Так встаньте подле, держите его за руки. Но будьте уверены, он спит.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Я не сплю.

LINON. Да... а-а!.. Странно, странно. Новое явление, надо записать...

БЕТСИ. Да... Но нельзя же оставлять Николая без ответа, надо начинать...

LINON. Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъект в полном гипнозе. Если вы желаете...

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Вы видите, видите?

ЛИДИ. Да уж позвольте, батюшка, распорядиться, штука-то выходит серьезная.

НОРДСТОН. Оставьте его. Он говорит уже во сне.

МЯГКАЯ. Как я рада теперь, что решилась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Прошу помолчать.

МЯГКАЯ. Ай!

НОРДСТОН. Что? Что?

МЯГКАЯ. Он меня за волосы взял.

НОРДСТОН. Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бывает холодная, но я это люблю.

МЯГКАЯ. Ни за что!

ВРОНСКИЙ. Да, странно, странно!

НОРДСТОН. Он здесь и ищет общения. Кто хочет спросить что-нибудь?

ВРОНСКИЙ. Позвольте, я спрошу.

НОРДСТОН. Сделайте одолжение.

ВРОНСКИЙ. Верю я или нет?

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Ответ утвердительный.

ВРОНСКИЙ. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в кармане десятирублевая бумажка?

НОРДСТОН. Я бы просила присутствующих не делать неопределенных или шуточных вопросов. Ему неприятно.

ВРОНСКИЙ. Нет, позвольте, у меня в руке нитка.

НОРДСТОН. Нитка? Держите ее. Это часто бывает, не только нитка, но и шелковые снурки, самые древние.

ВРОНСКИЙ. Нет, однако откуда же нитка? Позвольте, позвольте!

МЯГКАЯ. Что-то мягкое ударило меня в голову.

ВРОНСКИЙ. Позвольте свет, тут что-нибудь...

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Мы просим вас не нарушать проявления.

МЯГКАЯ. Ради бога, не нарушайте! И я хочу спросить, можно?

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Можно, можно. Спрашивайте.

МЯГКАЯ. Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

Молчание, шепот в стороне молодых людей, и вдруг Вронский закричал, как грудной ребенок:
«Уа! уа!» Хохот.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!

Все смеются, зажигают свечи, переходят в зрительный зал театра. На сцене поет певица.

ВРОНСКИЙ. Я надеюсь, что вы будете?

БЕТСИ. А правда, что Власьева меньшая выходит за Топова?

НОРДСТОН. Да, говорят, что это совсем решено.

БЕТСИ. Я удивляюсь родителям. Говорят, это брак по страсти.

LINON. По страсти? Какие у вас антидиллювиальные мысли! Кто нынче говорит про страсти?

ВРОНСКИЙ. Что делать? Эта глупая старая мода все еще не выводится.

АННА. Тем хуже для тех, кто держится этой моды... Я знаю счастливые браки только по рассудку.

ВРОНСКИЙ. Да, но зато как часто счастье браков по рассудку разлетается, как пыль, именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали.

АННА. Но браками по рассудку мы называем те, когда уже оба перебесились. Это как скарлатина, чрез это надо пройти.

ВРОНСКИЙ. Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, как оспу.

LINON. Я была в молодости влюблена в дьячка. Не знаю, помогло ли мне это.

НОРДСТОН. Нет, я думаю, без шуток, что для того, чтоб узнать любовь, надо ошибиться и потом поправиться.

АННА. Даже после брака?

ВРОНСКИЙ. Никогда не поздно раскаяться.

БЕТСИ. Вот именно, надо ошибиться и поправиться. Как вы об этом думаете?

АННА. Я думаю, я думаю... если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви. А я получила из Москвы письмо. Мне пишут, что Кити Щербацкая очень больна.

ВРОНСКИЙ. Неужели?

АННА. Вас не интересует это?

ВРОНСКИЙ. Напротив, очень. Что именно вам пишут, если можно узнать?

АННА. Я часто думаю, что мужчины не понимают того, что неблагоприятно, а всегда говорят об этом. Я давно хотела сказать вам ...

ВРОНСКИЙ. Я не совсем понимаю значение ваших слов.

АННА. Да, я хотела сказать вам. Вы дурно поступили, дурно, очень дурно.

ВРОНСКИЙ. Разве я не знаю, что я дурно поступил? Но кто причиной, что я поступил так?

АННА. Зачем вы говорите мне это?

ВРОНСКИЙ. Вы знаете - зачем.

АННА. Это доказывает только то, что у вас нет сердца.

ВРОНСКИЙ. Вы знаете, что оно есть, но вы боитесь этого. То, о чем вы сейчас говорили, была ошибка, а не любовь.

АННА. Вы помните, что я запретила вам произносить это слово, это гадкое слово. Я вам давно это хотела сказать, а нынче я нарочно приехала, зная, что я вас встречу. Я приехала

сказать вам, что это должно кончиться. Я никогда ни перед кем не краснела, а вы заставляете меня чувствовать себя виновною в чем-то.

ВРОНСКИЙ. Чего вы хотите от меня?

АННА. Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити.

ВРОНСКИЙ. Вы не хотите этого.

АННА. Если вы любите меня, как вы говорите, то сделайте, чтоб я была спокойна.

ВРОНСКИЙ. Разве вы не знаете, что вы для меня вся жизнь. Но спокойствия я не знаю и не могу вам дать. Всего себя, любовь... да. Я не могу думать о вас и о себе отдельно. Вы и я для меня одно. И я не вижу впереди возможности спокойствия ни для себя, ни для вас. Я вижу возможность отчаяния, несчастья... Или я вижу возможность счастья, какого счастья!.. Разве оно невозможно?

АННА. Так сделайте это для меня, никогда не говорите мне этих слов, и будем добрыми друзьями.

ВРОНСКИЙ. Друзьями мы не будем, вы это сами знаете. А будем ли мы счастливейшими, или несчастнейшими из людей – это в вашей власти. Ведь я прошу одного, прошу права надеяться, мучаться, как теперь. Но если и этого нельзя, велите мне исчезнуть, и я исчезну. Вы не будете видеть меня, если мое присутствие тяжело вам.

АННА. Я не хочу никуда прогонять вас.

ВРОНСКИЙ. Только не изменяйте ничего. Оставьте все как есть. Вот ваш муж.

Алексей Александрович своею спокойною, неуклюжею походкой входил в гостиную.

Оглянув жену и Вронского, он подошел к хозяйке и, усевшись за чашкой чая, стал говорить своим неторопливым, всегда слышным голосом, подтрунивая над кем-то.

КАРЕНИН. Едем домой, Анна.

АННА. Сейчас. Я останусь ужинать.

КАРЕНИН. Ужинать? Прощайте.

ВРОНСКИЙ. Вы ничего не сказали. Положим, я ничего и не требую, но вы знаете, что не дружба мне нужна, мне возможно одно счастье в жизни, это слово, которого вы так не любите... Да, любовь...

АННА. Любовь... Я оттого и не люблю этого слова, что оно для меня слишком много значит, больше гораздо, чем вы можете понять. До свиданья!

Она подала ему руку и скрылась в карете.

Ее взгляд, прикосновение руки прожгли его.

Он поцеловал свою ладонь в том месте, где она тронула его.

Девятая картина

Алексей Александрович не раздеваясь, ходил взад и вперед по паркету освещенной одною лампой столовой, по ковру темной гостиной, в которой свет отражался только на большом портрете его, висевшем над диваном, и освещая портреты родных.

КАРЕНИН. Да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение. Но высказать что же? Какое решение? Да наконец, что же случилось? Ничего. Она долго говорила с ним. Ну что же? Мало ли женщина в свете с кем может говорить? И потом, ревновать – значит унижать и себя, и ее. Да, это необходимо решить и прекратить, и высказать свой взгляд ... Как решить? Ревность есть чувство, унижающее жену, но всё же – случилось что-то ... Переноситься мыслью и чувством в другое существо - душевное действие, чуждое мне. Я считаю это душевное действие вредным и опасным фантазерством. И ужаснее всего то, что теперь именно, когда подходит к концу мое дело, нужно все спокойствие и все силы души, теперь на меня сваливается эта бессмысленная тревога. Я не из таких людей, которые переносят беспокойство и тревоги и не имеют силы

взглянуть им в лицо. Я должен обдумать, решить и отбросить. Вопросы о ее чувствах, о том, что делалось и может делаться в ее душе, это не мое дело. Итак, вопросы о ее чувствах и так далее – суть вопросы ее совести, до которой мне не может быть дела.

Этот жест – соединение рук и трещанье пальцев – всегда успокаивал его.

Десятая картина

Анна давно стояла и слушала, играя кистями башлыка.

АННА. С кем ты говоришь, Алексей Александрович?

КАРЕНИН. Как глава семьи, я лицо, обязанное руководить, и потому отчасти лицо ответственное. Я должен указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я должен высказать.

АННА. Опять лекция. Я ничего не понимаю. Что?

КАРЕНИН. Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия. Во-вторых, религиозное объяснение значения брака. В третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына. В-четвертых, указание на твое собственное несчастье.

АННА. Ты не в постели? Вот чудо! Пора, Алексей Александрович.

КАРЕНИН. Анна, мне нужно поговорить с тобой.

АННА. Со мной? Что же это такое? О чем это? Ну, давай переговорим, если так нужно. А лучше бы спать.

КАРЕНИН. Анна, я должен предостеречь тебя.

АННА. Предостеречь? В чем?

КАРЕНИН. Всякую свою радость, веселье, горе ты всегда тотчас сообщала мне. Я хочу предостеречь тебя в том, что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе. Твой слишком оживленный разговор сегодня с графом Вронским обратил на себя внимание.

АННА. Ты всегда так. То тебе неприятно, что я скучна, то тебе неприятно, что я весела. Мне не скучно было. Это тебя оскорбляет?

Алексей Александрович вздрогнул и загнул руки, чтобы трещать ими.

Ах, пожалуйста, не трещи, я так не люблю.

КАРЕНИН. Анна, ты ли это?

АННА. Да что ж это такое? Что тебе от меня надо?

КАРЕНИН. Я вот что намерен сказать. Я признаю, ты знаешь, ревность чувством оскорбительным и унижительным и никогда не позволю себе руководиться этим чувством. Но есть известные законы приличия, которые нельзя преступать безнаказанно. Нынче не я заметил, но, судя по впечатлению, какое было произведено на общество, все заметили, что ты вела и держала себя не совсем так, как можно было желать.

АННА. Решительно ничего не понимаю. Но в обществе заметили, и это тревожит его. Ты не здоров, Алексей Александрович.

Она, отклонив голову назад, набок, начала своею быстрою рукой выбирать шпильки.

Я слушаю, что будет. Даже с интересом слушаю, потому что желала бы понять, в чем дело.

КАРЕНИН. Входить во все подробности твоих чувств я не имею права и вообще считаю это бесполезным и даже вредным. Копаясь в своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно. Твои чувства – это дело твоей совести. Но я обязан пред тобою, пред собой и пред Богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не

людьми, а Богом.

АННА. Сколько пафоса ...

КАРЕНИН. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару.

АННА. Ничего не понимаю. Ах, боже мой, и как мне на беду спать хочется!

КАРЕНИН. Анна, ради бога, не говори так. Может быть, я ошибаюсь, но поверь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, как и за тебя. Я муж твой и люблю тебя.

АННА. Алексей Александрович, право, я не понимаю.

КАРЕНИН. Позволь, дай договорить мне. Я люблю тебя. Но я говорю не о себе. Главные лица тут – наш сын и ты сама. Очень может быть, повторяю, тебе, покажутся совершенно напрасными и неуместными мои слова. Может быть, они вызваны моим заблуждением. В таком случае я прошу тебя извинить меня. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малейшие основания, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебе говорит, высказать мне...

АННА. Мне нечего говорить. Да и ... право, пора спать.

Анна вышла.

КАРЕНИН. Ты не хотела объясниться со мной, тем хуже для тебя. Теперь уж ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тем хуже для тебя. Так на же тебе! Так сгоришь за это!

Алексей Александрович вздохнул и, не сказав больше ничего, отправился в спальню.

Анна легла на свою постель и ждала каждую минуту, что он еще раз заговорит с нею.

Она долго ждала неподвижно, и уже забыла о нем.

Вдруг она услышала ровный и спокойный носовой свист.

АННА. Поздно, поздно, уж поздно.

Одиннадцатая картина

Скачки. Каренин сидит в ложе.

КАРЕНИН. Опасность в скачках военных, кавалерийских, есть необходимое условие скачек. Если Англия может указать в военной истории на самые блестящие кавалерийские дела, то только благодаря тому, что она исторически развивала в себе эту силу животных и людей. Спорт, по моему мнению, имеет большое значение, и, как всегда мы видим только самое поверхностное.

БЕТСИ. Не поверхностное. Один офицер, говорят, сломал два ребра.

КАРЕНИН. Положим, княгиня, что это не поверхностное, но внутреннее. Но не в том дело, не забудьте, что скачут военные, которые избрали эту деятельность, и согласитесь, что всякое призвание имеет свою оборотную сторону медали. Это прямо входит в обязанности военного. Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров есть признак варварства. Но специализированный спорт есть признак развития.

БЕТСИ. Нет, я не поеду в другой раз. Это меня слишком волнует. Не правда ли, Анна?

НОРДСТОН. Волнует, но нельзя оторваться. Если б я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

ЩЕРБАЦКИЙ. Вы не скачете?

КАРЕНИН. Моя скачка труднее. Есть две стороны, исполнителей и зрителей. И любовь к этим зрелищам есть вернейший признак низкого развития для зрителей, я согласен, но...

СТИВА. Княгиня, пари! За кого вы держите?

БЕТСИ. Мы с Анной за князя Кузовлева.

СТИВА. Я за Вронского. Пара перчаток.

БЕТСИ. Идет!

СТИВА. А как красиво, не правда ли?

КАРЕНИН. Я согласен, но мужественные игры ... Недостает только цирка с львами ...

Когда Вронский упал, Анна ахнула.

Она стала биться: то хотела встать, то обращалась к Бетси.

АННА. Поедем, поедем, Бетси.

КАРЕНИН. Пойдемте, если вам угодно.

ЩЕРБАЦКИЙ. Вронский сломал ногу, говорят. Это ни на что не похоже.

АННА. Стива! Стива!

КАРЕНИН. Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти.

АННА. Нет, нет, оставьте меня, я останусь.

КАРЕНИН. В третий раз предлагаю вам свою руку.

БЕТСИ. Нет, Алексей Александрович, я увезла Анну, и я обещалась отвезти ее.

КАРЕНИН. Извините меня, княгиня, но я вижу, что Анна не совсем здорова, и желаю, чтоб она ехала со мною.

БЕТСИ. Я пошлю к нему, узнаю и пришлю сказать.

Двенадцатая картина

Анна молча села в карету Алексея Александровича и молча выехала из толпы экипажей.

КАРЕНИН. Как, однако, мы все склонны к этим жестоким зрелищам. Я замечаю...

АННА. Что? Я не понимаю.

КАРЕНИН. Я должен сказать вам, что вы неприлично ведете себя нынче.

АННА. Чем я неприлично вела себя? Что вы нашли неприличным?

КАРЕНИН. То отчаяние, которое вы не умели скрыть при падении одного из ездоков. Я уже просил вас держать себя в свете так, что злые языки не могли ничего сказать против вас. Было время, когда я говорил о внутренних отношениях. Я ведь не говорю про них. Теперь я говорю о внешних отношениях. Вы неприлично держали себя, и я желал бы, чтоб это не повторялось. Может быть, я ошибаюсь. В таком случае я прошу извинить меня.

АННА. Нет, вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я люблю его, я его любовница, я не могу вас переносить, я боюсь, я ненавижу вас... Делайте со мной что хотите. Я дурная женщина, я погибшая женщина, но я не люблю лгать, я не переношу лжи, а ваша пища – ложь. Вы все знаете, все видите. Что же вы чувствуете, если можете так спокойно говорить? Убейте меня, убейте Вронского, и я бы уважала вас. Но нет, вам нужны только ложь и приличие.

КАРЕНИН. Но я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор, пока я приму меры, обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам.

Он вышел вперед и высадил ее.

АННА. Как хорошо я сделала, что все сказала ему. Боже мой, как светло! Это страшно, но я люблю видеть его лицо и люблю этот фантастический свет ... Муж! Ах, да ... Ну, и слава Богу, что с ним все кончено.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина.

Церковь была полна народу, вся Москва, родные и знакомые. Во время обряда обручения не переставал прилично-тихий говор. Лёвин и Кити шли рука об руку.

ТОЛПА. Приехали! Который? Помоложе, что ль? А она-то, матушка, ни жива ни мертва!

КИТИ. Тебя нет и нет. Я думала уже, что ты хотел бежать ...

СТИВА. Ну, Костя, надо решить важный вопрос. Ты в состоянии оценить всю важность его. У меня спрашивают: обожженные ли свечи зажечь, или необожженные? Разница десять рублей. Я решил, но боюсь, что ты не изъявишь согласия.

ЛЁВИН. А?

СТИВА. Так как же? Необожженные или обожженные? Вот вопрос.

ЛЁВИН. Да, да! Необожженные.

СТИВА (*хохочет*). Я рад. Вопрос решен! Однако, как глупеют люди в этом положении.

ЩЕРБАЦКАЯ. Смотри, Кити, первая стань на ковер.

МЯГКАЯ. Что, не страшно?

НОРДСТОН. Тебе не свежо ли? Ты бледна. Постой, нагнись!

Мать округлив свои полные прекрасные руки, с улыбкою поправила ей цветы на голове.
Долли подошла, хотела сказать что-то, но не смогла, заплакала и неестественно засмеялась.

КОРСУНСКИЙ. Берите за руку невесту и ведите.

ЛИДИ. Что же это графиня Нордстон в лиловом, точно черное, на свадьбу?

LINON. С ее цветом лица одно спасенье ... Я удивляюсь, зачем они вечером сделали свадьбу. Это прям какое-то купечество ...

БЕТСИ. Красивее вечером. Я тоже венчалась вечером. Ах, как смешно был влюблен мой муж и как теперь все другое.

СТИВА. Говорят, что кто больше десяти раз бывает шафером, тот не женится.

КОРСУНСКИЙ. Я хотел десятый быть, чтобы застраховать себя, но место было занято.

LINON. Когда вы разведетесь с вашей Лиди, и мы будем стоять под венцом, я тогда напомню вам вашу теперешнюю шутку.

ЩЕРБАЦКИЙ. Я намерен надеть венец на шиньон Кити, чтоб она была счастлива.

ЩЕРБАЦКАЯ. Не надо надевать шиньона. Я не люблю это!

НОРДСТОН. Надо поправить венок. А все-таки он не стоит ее пальца. Не правда ли?

БЕТСИ. Нет, он мне очень нравится. И как он хорошо себя держит! А это так трудно держать себя хорошо в этом положении – не быть смешным. А он не смешон, не натянут, он видно, что тронут.

НОРДСТОН. Кажется, вы ждали этого?

БЕТСИ. Почти. Глупая какая. Она всегда его любила.

ЩЕРБАЦКАЯ. Ну, будем смотреть, кто из них прежде станет на ковер. Я советовала Кити.

НОРДСТОН. Все равно, мы все покорные жены, это у нас в породе.

КАЛИНИНА. А я так нарочно первая стала на ковер с Васильем.

LINON. А вы, Долли?

ДОЛЛИ. Я вспоминаю мою милую Анну, и все подробности о предполагаемом разводе. И

она также, чистая, стояла в померанцевых цветах и вуале. А теперь что?

ЛИДИ. Что же она так заплакана? Или поневоле идет?

КАЛИНИНА. Чего же поневоле за такого молодца? Он князь, что ли?

МЯГКАЯ. А это сестра в белом атласе?

МАТВЕЙ. Ну, слушай, сейчас как рявкнет дьякон: «Да боится своего мужа!».

МЯГКАЯ. Я лакея спрашивала. Говорит, сейчас везет к себе в деревню.

МАТВЕЙ. Богат страсть, говорят. Затем и выдали. Нет, парочка хороша.

ЦИРЮЛЬНИК. А вот вы спорили, Марья Власьевна, что карналины в отлет носят. Глянь-ка у той в пюсовом, она посланница, говорят, с каким подбором... Так, и опять этак.

МАТРЕНА. Экая милочка невеста-то, как овечка убранная!

КАЛИНИНА. А как ни говорите, жалко нашу сестру. Я вот, идучи, ищущи счастья, давеча, как в церкви таперича ...

СВЯЩЕННИК. ... Бог сотворил жену из ребра Адама, и сего ради оставит человек отца и мать и прилепится к жене, будет два в плоть едину, тайна сия велика есть, помолимся, чтобы Бог дал вам плодородие и благословение, и чтоб вы видели сыны сынов своих ...

КИТИ. Все это прекрасно, все это и не может быть иначе ... Я плачу!

БЕТСИ. Я тоже! Мы все рыдаем!

СВЯЩЕННИК. Поцелуйте жену, и вы поцелуйте мужа.

ЛЁВИН. Неужели это правда?

ХОР. Бла-го-сло-ви, вла-дыко!

СВЯЩЕННИК. Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков ... О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся ...

ЛЁВИН. Как они догадались, что помощи мне надо, именно помощи? Что я знаю? Что я могу в этом страшном деле женитьбы, без помощи? Именно помощи мне нужно теперь ...

СВЯЩЕННИК. Боже вечный, расстоящийся собравый в соединение, и союз любви положивый им неразрушимый, сам благослови и рабы твоя сия, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дело благое. Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и тебе славу воссылаем, отцу, и сыну, и святому духу, ныне и присно и во веки веков ...

ХОР. А-аминь ...

СВЯЩЕННИК. Обручается раб божий Константин рабе божией Екатерине ...

Он передал Кити большое кольцо, а Левину маленькое, они запутались и два раза передавали кольцо из руки в руку, и все-таки выходило не то, что требовалось.

Ты бо изначала создал еси мужеский пол и женский, призри на раба твоего Константина и на рабу твою Екатерину и утверди обручение их в вере, и единомыслии, и истине, и любви...

Лёвин плакал и не вытирал слёз. Кити сияла улыбкой.

Вся церковь плакала от умиления.

Вторая картина

Каренин вошел в дом, отдал лакею пальто и шляпу.

КАРЕНИН. В телеграмме стоит: «Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее». Да. Нет обмана, пред которым она бы остановилась. Она должна родить. Может быть, это болезнь родов? Но какая же цель? Узаконить ребенка, компрометировать меня и помешать разводу. Но что-то там сказано: умираю... Что барыня?

АННУШКА. Вчера разрешились благополучно.

КАРЕНИН. А здоровье?

АННУШКА. Очень плохи. Вчера был докторский съезд, и теперь доктор здесь.

КАРЕНИН. Возьми вещи. Кто здесь?

АННУШКА. Доктор, акушерка и граф Вронский. Слава Богу, что вы приехали! Только об вас и об вас.

ДОКТОР. Дайте же льду скорее!

Каренин прошел в кабинет. У стола сидел Вронский и плакал. Увидав мужа, он вскочил, опять сел.

ВРОНСКИЙ. Она умирает. Доктора сказали, что нет надежды. Я весь в вашей власти, но позвольте мне быть тут ... Впрочем, я в вашей воле, я при ...

Алексей Александрович подошел к кровати. Она лежала, повернувшись лицом к нему. Она говорила скоро, звучно и с необыкновенно правильными и прочувствованными интонациями.

АННА. Какая странная, ужасная судьба, что оба Алексеи? ... Алексей не отказал бы мне. Да что ж он не едет? Он добр, он сам не знает, как он добр. Дайте мне поскорее воды!

ВРОНСКИЙ. Анна Аркадьевна, он приехал. Вот он!

АННА. Он еще не приехал. Его глаза, у Сережи точно такие же, и я их видеть не могу ...

Она сжалась, затихла и с испугом, как будто ожидая удара, как будто защищаясь, подняла руки к лицу. Он взял ее за руку и хотел что-то сказать, но не мог выговорить.

Нет, я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексей, подойди сюда. Я тороплюсь, мне некогда, мне осталось жить немного. Теперь я все вижу. Постойте ... Я умираю, я знаю, что умру. Ты прости меня! Нет, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нет, уйди ... Да снимите же с меня эти шубы! Открой лицо, смотри на него.

Алексей Александрович взял руки Вронского.

Поддай ему руку. Прости его. Только немножко вытянуть ноги. Как эти цветы сделаны без вкуса. Когда это кончится? Дайте мне морфину. Доктор! Дайте же морфину.

ДОКТОР. Из ста 99, что кончится смертью. Весь день жар, бред и беспамятство.

АННУШКА. Ждем конца каждую минуту.

КАРЕНИН. Оставайтесь, может быть, она спросит вас.

ВРОНСКИЙ. Алексей Александрович, я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня! Как вам ни тяжело, поверьте, что мне еще ужаснее!

КАРЕНИН. Я должен вам объяснить свои чувства, те, которые руководили мной и будут руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете, что я решился на развод и даже начал это дело. Признаюсь вам, что желание мстить вам и ей преследовало меня. Скажу больше: я желал ее смерти. Но я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я хочу подставить другую щеку, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения! Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам. Моя обязанность ясно начертана для меня: я должен быть с ней и буду. Если она пожелает вас видеть, я дам вам знать, но теперь, я полагаю, вам лучше удалиться.

Рыдания прервали его речь. Вронский исподлобья глядел на него. Он не понимал, что это было что-то высшее и даже недоступное ему в его мировоззрении.

Третья картина

Еще Бетси не успела выйти из зала, как Степан Аркадьич, только что приехавший от Елисеева, где были получены свежие устрицы, встретил ее в дверях.

СТИВА. А! Княгиня! Вот приятная встреча! А я был у вас.

БЕТСИ. Встреча на минуту, потому что я уезжаю.

СТИВА. Постойте, княгиня, надевать перчатку, дайте поцеловать вашу ручку. Ни за что я так не благодарен возвращению старинных мод, как за целование рук. Когда же увидимся?

БЕТСИ. Вы не стоите.

СТИВА. Нет, я очень стою, потому что я стал самый серьезный человек. Я не только устраиваю свои, но и чужие семейные дела.

БЕТСИ. Ах, я очень рада! Он уморит ее. Это невозможно, невозможно ...

СТИВА. Я очень рад, что вы так думаете, я для этого приехал в Петербург.

БЕТСИ. Весь город об этом говорит. Это невозможное положение. Она тает и тает. Он не понимает, что она одна из тех женщин, которые не могут шутить своими чувствами. Одно из двух: или увези он ее, энергически поступи, или дай развод. А это душит ее.

СТИВА. Да, да, именно... Я за тем и приехал. То есть не собственно за тем ... Меня сделали камергером, ну, надо было благодарить. Но, главное, надо устроить это.

БЕТСИ. Ну, помогай вам Бог!

Проводив княгиню Бетси до сеней, Степан Аркадьич пошел к сестре.

СТИВА. Как здоровье и как провела утро?

АННА. Очень дурно. И день, и утро, и все прошедшие и будущие дни.

СТИВА. Мне кажется, ты поддаешься мрачности. Надо встряхнуться, надо прямо взглянуть на жизнь. Я знаю, что тяжело, но ...

АННА. Я не могу жить с ним. Его вид физически действует на меня, я выхожу из себя. Я не могу, не могу жить с ним. Что же мне делать? Ты согласишься ли, что я, зная, что он добрый, превосходный человек, что я ногтя его не стою, я все-таки ненавижу его. Я ненавижу его за его великодушие. И мне ничего не остается, кроме...

СТИВА. Ты больна и раздражена, ты преувеличиваешь. Тут нет ничего страшного.

АННА. Нет, Стива. Я погибла! Я – как натянутая струна, которая должна лопнуть.

СТИВА. Позволь мне сказать откровенно. Ты вышла замуж за человека, который на двадцать лет старше тебя - без любви или не зная любви. Потом ты имела, скажем, несчастье полюбить не своего мужа. Это несчастье, но это совершившийся факт. И муж твой признал и простил это. Это так. Теперь вопрос в том: можешь ли ты продолжать жить с своим мужем? Желает ли ты этого? Желает ли он этого?

АННА. Я ничего не знаю. Я чувствую, что лечу головой вниз в какую-то пропасть.

СТИВА. Ничего, мы подстелем и подхватим тебя. Ты мучишься, он мучится, и что же может выйти из этого? Тогда как развод развязывает все. Мне вас жалко! И как бы я счастлив был, если б устроил это! Не говори ничего! Я пойду к нему.

Степан Аркадьич вошел в кабинет Алексея Александровича.

Я не мешаю тебе?

КАРЕНИН. Нет. Тебе нужно что-нибудь?

СТИВА. Да, мне хотелось... мне нужно по ... да, нужно поговорить. Я намерен был, я хотел поговорить о сестре и о вашем положении взаимном.

КАРЕНИН. Я начал писать, полагая, что я лучше скажу письменно.

Степан Аркадьич взял письмо и стал читать.

СТИВА. «Я вижу, что мое присутствие тяготит вас. Я не виню вас, и Бог мне свидетель, что я, увидев вас во время вашей болезни, от всей души решил забыть все, что было

между нами, и начать новую жизнь. Скажите мне вы сами, что даст вам истинное счастье и спокойствие вашей души ...»

КАРЕНИН. Вот что я хотел сказать ей.

СТИВА. Да, да... Да, да. Я понимаю вас.

КАРЕНИН. Я желаю знать, чего она хочет.

СТИВА. Если ты позволяешь мне сказать свое мнение, то я думаю, что от тебя зависит указать те меры, которые ты находишь нужными, чтобы прекратить это положение.

КАРЕНИН. Какой же выход из нашего положения?

СТИВА. Одно возможно, это – прекращение отношений.

КАРЕНИН. Развод.

СТИВА. Да, я полагаю, что развод. Да, развод. Что же делать, если супруги нашли, что жизнь для них невозможна вместе? Это всегда может случиться.

КАРЕНИН. Развод невозможен. Чувство собственного достоинства не позволяют принять обвинение в фиктивном прелюбодеянии. Согласившись на развод, я погублю Анну. Через год-два или он бросит ее, или она вступит в новую связь. И я, согласившись на незаконный развод, буду виновником ее гибели. Дело развода совершенно невозможно.

СТИВА. Вопрос только в том, как, на каких условиях ты согласишься сделать развод. Алексей Александрович, это несчастье роковое, и надо признать его. Я признаю это несчастье совершившимся фактом и стараюсь помочь и ей, и тебе.

КАРЕНИН. Боже мой! За что? Какая разница между мною и государем? Государь делает развод - и никому оттого не лучше, а я сделал развод, и троим стало лучше... Или: какое сходство между мной и государем? Когда ... Впрочем, придумаю лучше.

Четвертая картина

Играют в крокет.

МЯГКАЯ. Ну что же, развод. Слышали? Вронский даже стрелялся из-за нее.

LINON. Какой дурак. Сколько баб еще есть на свете, Боже ты мой ...

ЛИДИ. А что лучше: мнение света или любовь?

НОРДСТОН. Кого интересует ваше мнение?

МЯГКАЯ. Они уехали за границу, от стыда. Уехали, чтобы проветриться.

БЕТСИ. Что там проветривать?

ЛИДИ. Он там занялся живописью.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Он художник? Ну, нельзя запретить Вронскому баловаться живописью, все дилетанты имеют право писать, что им угодно, но как это неприятно.

НОРДСТОН. Нельзя запретить человеку сделать большую куклу из воска и целовать ее.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Но если б этот человек с куклой пришел и сел пред влюбленным и принялся бы ласкать свою куклу, как влюбленный ласкает ту, которую он любит, то влюбленному было бы неприятно.

НОРДСТОН. Вы бредите, господин Ландо. Вы совсем обабились. Остались в России и стали, как баба последняя. Сплетни собираете.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Нет, я не русский, я общаюсь с греком Николаем каждый день!

КОРСУНСКИЙ. Художник Михайлов рассказывал, что при виде живописи Вронского

ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно.

БЕТСИ. Анна прекрасно поступила, и я не стану упрекать ее. Она счастлива, делает счастье другого человека и не забита, как я, и так же, как всегда, свежа, умна, открыта ко всему.

КОРСУНСКИЙ. Не провести ли нам очередной сеанс? Мы можем позвать Каренина?

НОРДСТОН. Молчите. Вы не достойный упоминать его имя. Я еду к нему.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Вы влюблены в него? Об этом весь Петербург говорит! Ну, дела!

НОРДСТОН. Не ваше дело!

Пятая картина

Графиня Нордстон приехала к Каренину вместе с Жюлем Ландо и без доклада вошла в его кабинет. Каренин сидел, опершись головой на обе руки.

НОРДСТОН. J'ai force la consigne. Я все знаю! Друг мой, Алексей Александрович ...

КАРЕНИН. Я не принимаю, потому что я болен, графиня ...

НОРДСТОН. Друг мой! Горе ваше велико, но вы должны найти утешение.

КАРЕНИН. Я разбит! Положение мое тем ужасно, что я не нахожу точки опоры!

НОРДСТОН. Вы найдете опору во мне. Опора наша есть любовь, та любовь, которую Он завещал нам. Бремя Его легко. Он поддержит вас и поможет вам.

КАРЕНИН. Я слаб. Я уничтожен. Это дурно, но я не могу, я не могу ...

НОРДСТОН. Не вы совершили тот высокий поступок прощения, которым я восхищаюсь и все, но Он, обитая в вашем сердце, и потому вы не можете стыдиться своего поступка.

КАРЕНИН. Силы человека имеют пределы, графиня. Целый день я должен был делать распоряжения по дому, вытекавшие из моего одинокого положения. Прислуга, гувернантка, счета... Этот мелкий огонь сжег меня, я не в силах был выдержать. А еще вот этот счет, на синей бумаге, за её шляпку, ленты, я не могу смотреть на него без жалости к самому себе.

НОРДСТОН. Я понимаю, друг мой. Вам нужно женское слово, женское распоряжение. Вы поручаете мне? Я не сильна в практических делах. Но я буду ваша экономка. Не благодарите меня. Я делаю это не сама, но Он делает это ...

КАРЕНИН. Я не могу не благодарить.

НОРДСТОН. Благодарить меня вы не можете. Надо благодарить Его и просить Его о помощи. В Нем одном мы найдем спокойствие, утешение, спасение и любовь.

КАРЕНИН. Я очень, очень благодарен вам и за дела, и за слова ваши.

НОРДСТОН. Я приступаю к делу. В крайнем случае я обращусь к вам. Я иду к Сереже.

Графиня пошла на половину Сережи и там, обливая слезами испуганного мальчика, сказала ему:

Сереженька! Отец твой святой! А мама твоя умерла! Да, умерла! Спокойнее, мой друг! Ничего страшного! Сереженька: я бывала влюблена во всех выдающихся людей. Я была влюблена во всех принцесс и принцев, в одного митрополита, в одного священника, в одного журналиста, в одного министра, одного английского миссионера ...

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Но ведь все эти любви, то ослабевая, то усиливаясь, не мешали вам в ведении самых распространенных и сложных придворных и светских отношений.

НОРДСТОН. С тех пор как, я взяла Каренина под свое покровительство, я почувствовала, что все остальные любви не настоящие, а что я влюблена теперь в одного только Каренина!

КАРЕНИН. Графиня, позвольте ...

НОРДСТОН. Вот господин Ландо. Он вам скажет, что и как! Николай, это ты? Он спит.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Нет, это я, Жюль Ландо. И я не сплю.

НОРДСТОН. Mon ami, donnez lui la main. Vous voyez? Шш!

Француз спал или притворялся, что спит и рукой делал слабые движения, как будто ловя что-то. Алексей Александрович осторожно положил свою руку в руку француза.

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Que la personne qui est arrivee la derniere, celle qui demande! Qu'elle sorte!

КАРЕНИН. Что?

НОРДСТОН. Он говорит: «Пусть тот, кто пришел последним, тот, кто спрашивает, пусть он выйдет! Пусть выйдет!» ...

ЖЮЛЬ ЛАНДО. Qu'elle sorte! Пусть выйдет!

КАРЕНИН. C'est moi, n'est ce pas? Это относится ко мне, не так ли? Я понял. Выйти? Ясно. То есть, я должен отказать ей в разводе?

НОРДСТОН. Да, mon ami! Отказать!

Шестая картина

Одна из первых дам петербургского света, которую увидел Вронский, была его кузина Бетси.

БЕТСИ. Как я рада! Где вы остановились? Я воображаю, как после вашего прелестного путешествия в Рим вам ужасен наш Петербург. Что развод? Всё сделали?

ВРОНСКИЙ. Развода еще не было.

БЕТСИ. Положим, я забросила свой чепец через мельницу, но другие поднятые воротники будут вас бить холодом, пока вы не женитесь. Ты знаешь, Алексей, как я люблю тебя и как готова все для тебя сделать, но я не могу тебе и Анне Аркадьевне быть полезною. Не думай, чтобы я осуждала. Никогда. Я на ее месте сделала бы то же самое. Но надо называть вещи по имени. Ты хочешь, чтобы я поехала к ней, принимала бы ее и тем реабилитировала бы ее в обществе. Но ты пойми, что я не могу этого сделать. Ну, я приеду к Анне Аркадьевне. Она поймет, что я не могу ее звать к себе, это ее же оскорбит. Я не могу поднять ее ...

ВРОНСКИЙ. Она упала не более, чем сотни женщин, которых вы принимаете!

БЕТСИ. Алексей! Не сердись на меня. Пожалуйста, пойми, что я не виновата.

ВРОНСКИЙ. Я не сержусь, но мне больно вдвойне. Мне больно еще то, что это разрывает нашу дружбу. Ты понимаешь, что и для меня это не может быть иначе.

И с этим он вышел от нее.

Седьмая картина

Долли приехала к Анне. Ее встретила Аннушка.

ДОЛЛИ. Где Анна Аркадьевна?

АННУШКА. Сейчас будут. Я вам хочу сказать насчет положения барыни, в особенности насчет любви и преданности графа к Анне Аркадьевне ...

ДОЛЛИ. Помолчала бы, милая. Вижу, прислуге дали волю в этом доме?

АННУШКА. Я с Анной Аркадьевной выросла, они мне дороже всего. Что ж, не нам судить. А уж так, кажется, любить...

ДОЛЛИ. Так, пожалуйста, отдай вымыть, если можно ...

АННУШКА. Слушаю-с. У нас на постирушечки две женщины приставлены особо, а белье все машиной. Граф сами до всего доходят. Уж какой муж...

ДОЛЛИ. Ступай вон, сказала!

ВРОНСКИЙ (*вошел*). Как я рад, Дарья Александровна, вашему приезду. Вы имеете влияние на Анну, помогите мне. Если вы приехали к нам, то я понимаю, что вы сделали это не потому, что вы считаете наше положение нормальным, но потому, что вы все так же любите ее и хотите помочь ей. Так ли я вас понял?

ДОЛЛИ. О да, но... Я понимаю. Положение ее тяжело в свете, я понимаю.

ВРОНСКИЙ. В свете - это ад! Нельзя представить себе моральных мучений хуже тех, которые она пережила в Петербурге в две недели ...

ДОЛЛИ. Да, но здесь, пока вы не чувствуете нужды в свете, вы счастливы и спокойны.

ВРОНСКИЙ. Она счастлива. Но я? Виноват, вы хотите идти?

ДОЛЛИ. Нет, все равно.

ВРОНСКИЙ. Ну, так сядемте здесь. Я вижу, она счастлива. Но может ли это так продолжаться? У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Моя дочь по закону - не моя дочь, а Каренина. И если завтра родится сын, мой сын, и он по закону - Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния. Я пробовал говорить про это Анне. Она не понимает. Представьте себе положение человека, который знает, что дети его и любимой им женщины не будут его, а чьи-то, кого-то того, кто их ненавидит и знать не хочет.

ДОЛЛИ. Да, разумеется, я это понимаю. Но что может Анна?

ВРОНСКИЙ. Анна может, это зависит от нее ... Для того, чтобы просить государя об усыновлении, необходим развод. Муж ее согласен был на развод - тогда ваш муж совсем было устроил это. Стоило бы только написать ему. Я понимаю, что ей мучительно. Княгиня, я за вас хватаюсь, как за якорь спасения. Помогите мне уговорить ее требовать развода! Употребите ваше влияние на нее, сделайте, чтоб она написала.

ДОЛЛИ. Да, разумеется. Хорошо, я поговорю. Но как она сама не думает? Мне вспомнилось, что Анна щурится, когда дело касается задушевных сторон жизни. Точно она на свою жизнь щурится, чтобы не всё видеть. Непременно, я буду говорить с ней ...

Долли уже хотела ложиться, когда Анна в ночном костюме вошла к ней.

АННА. Ну, что Кити? Правду скажи мне, Долли, не сердится она на меня?

ДОЛЛИ. Сердится? Нет.

АННА. Но ненавидит, презирает?

ДОЛЛИ. О нет! Но ты знаешь, это не прощается.

АННА. Да, да. Но я не была виновата. И кто виноват? Что такое виноват? Разве могло быть иначе? Ну, как ты думаешь? Могло ли быть, чтобы ты не была жена Стивы?

ДОЛЛИ. Право, не знаю. Но вот что ты мне скажи...

АННА. Да, но мы не кончили про Кити. Она счастлива? Он прекрасный человек, говорят.

ДОЛЛИ. Это мало сказать, что прекрасный. Я не знаю лучше человека.

АННА. Ах, как я рада! Я очень рада! Мало сказать, что прекрасный человек ...

ДОЛЛИ. Но ты мне скажи про себя. Мне с тобой длинный разговор. И мы говорили с...

АННА. С Алексеем, я знаю, что вы говорили. Но я хотела спросить тебя прямо, что ты думаешь обо мне, о моей жизни?

ДОЛЛИ. Как так вдруг сказать? Я, право, не знаю.

АННА. Нет, ты мне все-таки скажи... Ты видишь мою жизнь. Но представь себе, что я

живу одна без него, и я вижу, что это будет повторяться, что он половину времени будет вне дома. Я насильно не удержу его. Нынче скачки, его лошади скачут. Очень рада. Но подумай обо мне, представь мое положение... Да что говорить! Так о чем же он говорил с тобой?

ДОЛЛИ. Он говорил, нельзя ли исправить положение... Надо выйти замуж...

АННА. То есть развод? Ты знаешь, единственная женщина, которая приехала ко мне в Петербурге, была Бетси Тверская? Она была в связи с Тушкевичем, обманывая мужа. И она сказала, что она меня знать не хочет, пока мое положение будет неправильно. Не думай, чтобы я сравнивала... Но я невольно вспомнила... Ну, так что же он сказал тебе?

ДОЛЛИ. Он сказал, что страдает за тебя и за себя. Ему хочется узаконить свою дочь и быть твоим мужем. Ну, и самое законное – он хочет, чтобы дети ваши имели имя.

АННА. Какие дети?

ДОЛЛИ. Маленькой Ани и будущие...

АННА. Это он может быть спокоен, у меня не будет больше детей.

ДОЛЛИ. Как же ты можешь сказать, что не будет?..

АННА. Не будет, потому что я этого не хочу. Мне доктор сказал после моей болезни ...

ДОЛЛИ. Не может быть!

АННА. Подумай, у меня выбор из двух: быть беременною, то есть больною, или быть товарищем мужа. Для тебя еще может быть сомнение, но для меня... Ты пойми, я не жена. Он любит меня до тех пор, пока любит. И что ж, чем же я поддерживаю его любовь? Вот этим?

Она вытянула белые руки пред животом.

ДОЛЛИ. Анна, я не привлекала к себе Стиву ... Он ушел от меня к другим, и та первая, для которой он изменил мне, не удержала его тем, что она была всегда красива и весела. Он бросил ту и взял другую. И неужели ты этим привлечешь и удержишь Вронского? Если он будет искать этого, то найдет туалеты и манеры еще более привлекательные и веселые. И как ни белы, как ни прекрасны твои обнаженные руки, как ни красив весь твой полный стан, твое разгоряченное лицо из-за этих черных волос, он найдет еще лучше, как ищет и находит мой отвратительный, жалкий и милый муж.

АННА. Ты смешна, Долли. Как я могу желать детей? Подумай, кто будут мои дети?

ДОЛЛИ. Нет, я не знаю, это не хорошо.

АННА. Да, но ты не забудь, что ты и что я... И кроме того, ты не забудь главное, что я теперь нахожусь не в том положении, как ты. Для тебя вопрос: желаешь ли ты не иметь более детей, а для меня: желаю ли иметь я их. И это большая разница. Понимаешь, что я не могу этого желать в моем положении.

ДОЛЛИ. Так тем более тебе надо устроить свое положение, если возможно.

АННА. Да, если возможно.

ДОЛЛИ. Разве невозможен развод? Мне говорили, что муж твой согласен.

АННА. Долли! Мне не хочется говорить про это. Но хорошо. Мне говорят – развод. Во-первых, он не даст мне его. Он теперь под влиянием разных там графинь и вообще других.

ДОЛЛИ. Надо попытаться.

АННА. Это значит, мне, ненавидящей его, мне унизиться писать ему... Ну, положим, я

сделаю усилие. Я получу согласие, а сын? Они мне не отдадут его. Он вырастет, презирая меня. Я люблю равно два существа - Сережу и Алексея. Только эти два существа я люблю, и одно исключает другое. Я не могу их соединить. А если этого нет, то все равно. Ты не презирай меня. Я не стою презрения. Я именно несчастна. Если кто несчастен, так это я.

Оставшись одна, Долли помолилась Богу и легла в постель.

Анна, вернувшись в свой кабинет, взяла рюмку и накапала в нее морфин и, выпив, с успокоенным и веселым духом пошла в спальню. Вронский лежал на кровати.

АННА. Я рада, что тебе понравилась Долли. Не правда ли?

ВРОНСКИЙ. Она очень добрая. А ты здорова? Принимаешь по-прежнему морфин?

АННА. Что ж делать? Я не могла спать. При тебе я никогда не принимаю. Ты недоволен?

ВРОНСКИЙ. Анна, почему ты раздражительна? Ты знаешь, что я не могу без тебя жить?

АННА. Ты тяготишься этою жизнью... Да, ты приедешь на день и уедешь, как поступают...

ВРОНСКИЙ. Анна, я всю жизнь готов отдать...

АННА. Если ты поедешь в Москву, то и я поеду. Я не останусь здесь. Или мы должны разойтись, или жить вместе. Я вижу, что я не могу так жить...

ВРОНСКИЙ. Точно ты угрожаешь мне. Да я ничего так не желаю, как не разлучаться с тобою. Анна, ради Бога! Что с вами?

АННА. Я не понимаю, о чем вы спрашиваете.

ВРОНСКИЙ. Вы знаете, что нельзя ехать завтра в театр.

АННА. Отчего? Я поеду не одна. Княжна Варвара поедет со мной.

ВРОНСКИЙ. Но разве вы не знаете...

АННА. Да я не хочу знать! Не хочу. Раскаиваюсь я в том, что сделала? Нет, нет и нет. И если б опять то же, сначала, то было бы то же. Важно только одно: любим ли мы друг друга. А других нет соображений. Почему я не могу ехать. Я тебя люблю, и мне все равно... Отчего же ты не смотришь на меня? Я прошу вас объявить, почему я не должна ехать.

ВРОНСКИЙ. Потому, что это может причинить вам то...

АННА. Ничего не понимаю. Я еду завтра в театр!

Восьмая картина

В театре. Вронский вошел в театр в половине девятого. Спектакль был во всем разгаре.

ВРОНСКИЙ. В этом наряде появиться в театре - значило не только признать свое положение погибшей женщины, но и бросить вызов свету. Как она может не понимать этого? С женою забота, с не-женою еще хуже. И зачем она ставит меня в такое положение?

ЛИДИ. Зачем тратить деньги и уезжать за границу?

LINON. Вернулись из-за границы и уже сегодня она в театре.

Вронский вошел в середину партера и стал оглядываться. В ложе слева были княгиня Мягкая с мужем. Она стояла спиной к Анне что-то взволнованно говорила.

НОРДСТОН. Вы видели? Вы слышали? Княгиня Мягкая в театре встала и вышла из ложи, сказала, что с блядьми она рядом сидеть не будет.

КОРСУНСКИЙ. Ну, не так она сказала. С падшими женщинами, так она сказала.

НОРДСТОН. Да плевать. Она дурная женщина.

Мать Вронского была в ложе брата.

ВРОНСКАЯ. Что же ты не идешь к Анне? Она вызывает сенсацию в театре ...

ВРОНСКИЙ. Здравствуйте, мама. Я шел к вам.

ВРОНСКАЯ. Я говорю то, что говорят все. Я нахожу, что это низко и гадко, и madame Мягкая не имела никакого права. Madame Каренина...

ВРОНСКИЙ. Да что? Я не знаю.

ВРОНСКАЯ. Как, ты не слышал?

ВРОНСКИЙ. Ты понимаешь, что я последний об этом услышу.

ВРОНСКАЯ. Есть ли злее существо, как эта княгиня Мягкая?

ВРОНСКИЙ. Да что она сделала?

ВРОНСКАЯ. Она оскорбила Каренину. Муж ее через ложу стал говорить с ней, а Мягкая сделала ему сцену. Она, говорят, громко сказала что-то оскорбительное и вышла. А я тебя все жду. Тебя совсем не видно.

СТИВА. А, Алексей! Теноров нет больше. Какая гадость! Дура эта княгиня Мягкая, больше ничего... Я сейчас хотел к ней идти... Пойдем вместе.

Вронский сердито вышел из партера и поехал домой.

Девятая картина

Анна уже была дома. Когда Вронский вошел, она была одна в том самом наряде, в котором она была в театре. Она сидела и смотрела пред собой.

АННА. Вы, кажется, поздно приехали в театр и не слышали лучшей арии.

ВРОНСКИЙ. Я плохой ценитель.

АННА. Вы не находите, что хор поет слишком громко?

ВРОНСКИЙ. Анна ...

АННА. Ты, ты виноват во всем!

ВРОНСКИЙ. Я просил, я умолял тебя не ездить, я знал, что тебе будет неприятно...

АННА. Она сказала, что позорно сидеть рядом со мной.

ВРОНСКИЙ. Слова глупой женщины, но для чего рисковать, вызывать...

АННА. Я ненавижу твое спокойствие. Ты не должен был доводить меня до этого. Если бы ты любил меня....

ВРОНСКИЙ. К чему тут вопрос о моей любви...

АННА. Да, если бы ты любил меня, как я, если бы ты мучался, как я... Ты имеешь право уехать когда и куда хочешь. Не только уехать, но оставить меня, я не имею никаких. Ты тяготишься мною.

Вронский вышел, хлопнув дверью. Анна у окна.

Отчего же он так холоден? Он хочет доказать, что его любовь не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь. Он должен понять всю тяжесть жизни моей. Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается.

Вошел Вронский. Она утерла эти слезы, и не только утерла слезы, но села и развернула книгу.

Так для чего же ты в театре оставался?

ВРОНСКИЙ. Я хотел остаться и остался. Анна, зачем, зачем?

АННА. Разумеется, ты хотел остаться и остался. Ты делаешь все, что ты хочешь. Я чувствую, как я боюсь себя!

ВРОНСКИЙ. Разве я ищу развлечения вне дома? Разве я не избегаю общества женщин?

Ну, скажи, что я должен делать, чтобы ты была покойна? Я все готов сделать, чтобы ты была счастлива, чтоб избавить тебя от горя какого-то, как теперь, Анна!

АННА. Ничего, ничего. Жалею, что одно грубое и материальное вам понятно и натурально. Ну, не будем говорить. Что ж бега? Ты не рассказал. Что вы там делали, кто был?

ВРОНСКИЙ. Обед был прекрасный, и все было довольно мило, но в Москве не могут без ridicule. Явилась какая-то дама, учительница плавания, и показывала свое искусство.

АННА. Как? Плавала?

ВРОНСКИЙ. В каком-то красном costume de natation, старая, безобразная.

АННА. Что же, она особенно как-нибудь плавает?

ВРОНСКИЙ. Я и говорю, глупо ужасно. Так когда же ты думаешь ехать?

АННА. Когда ехать? Да чем раньше, тем лучше. Завтра не успеем. Послезавтра.

ВРОНСКИЙ. Да... нет, постой. Послезавтра воскресенье, мне надо быть у maman.

АННА. А! Теперь тебе нужна уже не учительница плавания, а княжна Сорокина, которая живет в подмосковной деревне вместе с графиней Вронской, да?

ВРОНСКИЙ. Что за глупости?

АННА. Если так, то мы не уедем совсем.

ВРОНСКИЙ. Да отчего же?

АННА. Ты не хочешь понять. Отчего ты, хвастаясь своею прямою, не говоришь правду?

ВРОНСКИЙ. Я никогда не хвастаюсь и никогда не говорю неправду.

АННА. Уважение выдумали для того, чтобы скрывать пустое место, где должна быть любовь. А если ты больше не любишь меня, то лучше и честнее это сказать.

ВРОНСКИЙ. Нет, это невыносимо! Ты испытываешь мое терпение? Оно имеет пределы.

АННА. Что вы хотите этим сказать?

ВРОНСКИЙ. Я хочу сказать... Я должен спросить, чего вы от меня хотите.

АННА. Чего я могу хотеть? Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено!

ВРОНСКИЙ. Постой! В чем дело?

АННА. Он ненавидит меня. Он любит другую женщину. Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено, и надо кончить. Да, умереть! И стыд, и позор - все спасается смертью. Умереть - и он будет раскаиваться, будет любить, будет страдать за меня.

ВРОНСКИЙ. Анна, что же?

АННА. Брось меня, брось! Кто я? Развратная женщина. Камень на твоей шее. Я не хочу мучать тебя! Я освобожу тебя. Ты не любишь меня, ты любишь другую! Ты не согласишься, как мне опостытели эти комнаты. Эти часы, гардины, главное обои - кошмар. Нет выражения лица в них, нет души. От кого депеша?

ВРОНСКИЙ. От Стивы.

АННА. Отчего же ты не показал мне? Какая же может быть тайна между Стивой и мной?

ВРОНСКИЙ. Я не хотел показывать потому, что Стива имеет страсть телеграфировать. Что ж телеграфировать, когда ничто не решено?

АННА. О разводе?

ВРОНСКИЙ. Да, но он пишет: ничего еще не мог добиться. Да вот прочти.

Дрожащими руками Анна взяла депешу и прочла то самое, что сказал Вронский.

АННА. Не было никакой надобности скрывать от меня. Так он может скрыть и скрывает от меня свою переписку с женщинами. Нет, почему же ты думаешь, что это известие так интересует меня, что надо даже скрывать?

ВРОНСКИЙ. Я люблю ясность.

АННА. Ясность не в форме, а в любви. Для чего ты желаешь этого?

ВРОНСКИЙ. Ведь ты знаешь для чего: для тебя и для детей, которые будут.

АННА. Детей не будет. Тебе это нужно для детей, а обо мне ты не думаешь? Твое желание иметь детей я объясняю себе тем, что ты не дорожишь моей красотой. Мне совершенно все равно, что думает твоя мать и как она хочет женить тебя.

ВРОНСКИЙ. Но мы не об этом говорим.

АННА. Нет, об этом самом. И поверь, что для меня женщина без сердца, будь она старуха или не старуха, твоя мать или чужая, не интересна, и я ее знать не хочу.

ВРОНСКИЙ. Анна, я прошу тебя не говорить неуважительно о моей матери.

АННА. Женщина, которая не угадала сердцем, в чем счастье и честь ее сына, у той нет сердца.

ВРОНСКИЙ. Я повторяю: не говорить неуважительно о матери, которую я уважаю.

АННА. Ты не любишь мать. Это все фразы, фразы и фразы!

ВРОНСКИЙ. А если так, то надо...

АННА. Надо решиться, и я решилась. Что вам надо?

ВРОНСКИЙ. Что, Анна?

АННА. Я ничего.

ВРОНСКИЙ. А ничего, так tant pis. Да, завтра мы едем?

АННА. Вы, но не я.

ВРОНСКИЙ. Анна, эдак невозможно жить...

АННА. Вы, но не я.

ВРОНСКИЙ. Это становится невыносимо!

АННА. Вы... вы раскаетесь в этом.

Десятая картина

Ночь.

АННА. Это уже не ссора. Это очевидное признание в совершенном охлаждении. Он не то что охладил ко мне, он ненавидит меня, потому что любит другую женщину. А разве не вчера только он клялся в любви? Смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь ко мне, наказать его ... Теперь все равно: получить или не получить от мужа развод — все не нужно. Нужно одно — наказать его. Я представляю себе, что он будет чувствовать, когда меня уже не будет и я буду для него только одно воспоминание. «Как мог я сказать ей эти жестокие слова? — будет говорить он. — Как мог я выйти из комнаты, не сказав ей ничего? Но теперь ее уж нет. Она навсегда ушла от нас. Она там...»

Вдруг тень ширмы заколебалась, захватила весь карниз, весь потолок ...

Смерть! Нет, все — только жить! Ведь я люблю его, он любит меня! Это пройдет ...

Он спал крепким сном. Она подошла к нему и долго смотрела на него.

Одиннадцатая картина

Станция.

АННА. Узнайте, куда поехал граф.

ЛАКЕЙ 1. Они приказали доложить, что если вам угодно, то коляска сейчас вернется.

АННА. Где его голубые глаза, милая и робкая улыбка? Нет, это не может быть. Он вернется. Нет, этого не может быть. Надо, чтобы он не видел меня с заплаканными глазами. Я пойду умоюсь. Да, да, причесалась ли я, или нет? Да, я причесана, но когда, решительно не помню. Кто это? Да это я. Что это, я с ума схожу. Аннушка ...

АННУШКА. К Дарье Александровне вы хотели ехать.

АННА. К Дарье Александровне? Да, я поеду. Пятнадцать минут туда, пятнадцать назад. Но как он мог уехать, оставив меня в таком положении?

ЛАКЕЙ 2. Граф уехали на Нижегородскую дорогу.

АННА. Что? Поезжай с запиской к графине Вронской. И тотчас же привези ответ. А я сама, что? Да, я поеду к Долли, а то я с ума сойду. Аннушка, милая, что мне делать?

АННУШКА. Что же так беспокоиться, Анна Аркадьевна! Ведь это бывает. Вы поезжайте, рассеетесь.

АННА. Да, я поеду.

ЛАКЕЙ 2. Куда прикажете?

АННА. На станцию ... Разве можно другому рассказывать то, что чувствуешь? Я хотела рассказывать Долли, и не рассказала. Как бы она рада была моему несчастью! Но главное чувство было бы радость о том, что я наказана за те удовольствия, в которых она завидовала мне. Кити, та еще более была рада. Как я ее всю вижу насквозь! Она презирает меня. В ее глазах я безнравственная женщина. И она завидует мне. И ненавидит меня. И все мы ненавидим друг друга. Я Кити, Кити меня. Вот это правда. Все гадко. Да, надо ехать на станцию железной дороги, а если нет, то поехать туда и уличить его. Он взял от меня все, что мог, и теперь я не нужна ему. Он тяготится мною. Я возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе. Он уж давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть. Горы какие-то, и все дома, дома... И в домах все люди, люди... Сколько их, конца нет, и все ненавидят друг друга.

ЛАКЕЙ 2. Прикажете тут остановиться?

АННА. Да.

Она взяла в руку маленький красный мешочек, вышла из коляски.

ЛАКЕЙ 2. Раздался звонок, прошли какие-то молодые мужчины, уродливые, наглые и торопливые и вместе внимательные к тому впечатлению, которое они производили.

КАЛИНИНА. Шумные мужчины затихли, когда она проходила мимо их по платформе, и один что-то шепнул об ней другому гадкое.

АННУШКА. Она поднялась на высокую ступеньку и села одна в купе на пружинный испачканный, когда-то белый диван.

ЦИРЮЛЬНИК. Дама, уродливая, с турнюрором, и девочка ненатурально смеясь, пробежали внизу.

МАТРЕНА. Испачканный уродливый мужик в фуражке, из-под которой торчали спутанные волосы, прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона.

АННА. Что-то знакомое в этом безобразном мужике.

МАТВЕЙ. Кондуктор отворял дверь, впуская мужа с женой.

ЛАКЕЙ 2. Вам выйти угодно?

ЦИРЮЛЬНИК. Наконец прозвенел третий звонок, раздался свисток, визг паровика, рванулась цепь, и мужик перекрестился.

АННА. Все мы созданы затем, чтобы мучаться, и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать?

МАТВЕЙ. На то дан человеку разум, чтобы избавиться от того, что его беспокоит.

АННА. Да, на то дан разум, чтоб избавиться, стало быть, надо избавиться. Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это? Зачем этот кондуктор пробежал по жердочке, зачем они кричат, эти молодые люди в том вагоне? Зачем они говорят, зачем они смеются? Все неправда, все ложь, все обман, все зло!..

МАТРЕНА. Поезд подошел к станции, Анна вышла в толпе других пассажиров и остановилась на платформе, стараясь вспомнить, зачем она сюда приехала и что намерена была делать.

АННА. Нет, я не дам тебе мучать себя. Боже мой, куда мне?

ЛАКЕЙ 1. Быстрым шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле проходящего поезда.

КАЛИНИНА. Она смотрела на высокие чугунные колеса медленно катившегося первого вагона.

АННА. Я накажу его и избавлюсь от всех и от себя.

ТОЛПА. Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. Она хотела подняться, откинуться, но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину.

АННА. Где я? Что я делаю? Зачем? Господи, прости мне все!

ТОЛПА. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла.

Двенадцатая картина

Во время остановки в губернском городе Левин стал ходить взад и вперед по платформе.

ВРОНСКАЯ. Вот провожаю его. Едет на войну в Сербию. После его несчастья что ж ему было делать?

ЛЕВИН. Ужасное событие ...

ВРОНСКАЯ. Ах, что я пережила! Этого нельзя себе представить! Шесть недель он не говорил ни с кем и ел только тогда, когда я умоляла его. Мы отобрали все, чем он мог убить себя. Ведь вы знаете, он уже стрелялся раз из-за нее же. Да, она кончила, как и

должна была кончить такая женщина. Даже смерть она выбрала подлую, низкую.

ЛЕВИН. Не нам судить, графиня, но я понимаю, как для вас это было тяжело.

ВРОНСКАЯ. Ах, не говорите! Я жила у себя в именье, и он был у меня. Приносят записку. Он написал ответ и отослал. Мы ничего не знали, что она тут же была на станции. Вечером, я только ушла к себе, мне моя Мери говорит, что на станции дама бросилась под поезд. Меня как что-то ударило! Я поняла, что это была она. Первое, что я сказала: не говорить ему. Но они уж сказали ему. Кучер его там был и все видел. Когда я прибежала в его комнату, он был уже не свой – страшно было смотреть на него. Он ни слова не сказал и поскакал туда. Уж я не знаю, что там было, но его привезли как мертвого. Я бы не узнала его. Потом началось почти бешенство.

БЕТСИ. Ах, что говорить! Ужасное время!

LINON. Нет, как ни говорите, дурная женщина.

ЩЕРБАЦКАЯ. Ну, что это за страсти какие-то отчаянные.

ЩЕРБАЦКИЙ. Это всё что-то особенное доказать.

НОРДСТОН. Вот она и доказала.

ВРОНСКАЯ. Себя погубила и прекрасных людей – своего мужа и моего несчастного сына.

МЯГКАЯ. А что ее муж?

ВРОНСКАЯ. Он взял ее дочь. Алеша в первое время на все был согласен. Но теперь его ужасно мучает, что он отдал чужому человеку свою дочь. Но взять назад слово он не может. Каренин приезжал на похороны. Она развязала его. Но бедный сын мой ... Бросил все – карьеру, меня, и тут-то она еще не пожалела его, а нарочно убила его совсем. Нет, как ни говорите, самая смерть ее – смерть гадкой женщины без религии. Прости меня, Бог, но я не могу не ненавидеть память ее, глядя на погибель сына.

ЛЕВИН. Но теперь как он?

ВРОНСКАЯ. Да не один, а эскадрон ведет на свой счет. Вы, пожалуйста, поговорите с ним, надо его развлечь. Он так грустен. Да на беду еще у него зубы разболелись. А вам он будет очень рад. Пожалуйста, поговорите с ним, вон он ходит в своем длинном пальто, надвинутой шляпе, руки в карманах, как зверь в клетке ходит по платформе ...

Вронский остановился, узнал Левина и пожал его руку.

ЛЕВИН. Вронский ... Как вы?

ВРОНСКИЙ. Еду в Сербию. Веду эскадрон. Это Бог мне помог - эта сербская война. Вот, гляжу тут на тендер и на рельсы, и мне вспоминается она. То есть то, что тогда, в тот день оставалось еще от нее, когда я вбежал в казарму железнодорожной станции. На столе казармы бесстыдно растянутое окровавленное тело, еще полное недавней жизни, закинутая назад уцелевшая голова с тяжелыми косами и вьющимися волосами на висках, и на лице, с полуоткрытым румяным ртом, застывшее, жалкое в губах и ужасное в остановившихся незакрытых глазах, выражение, как бы словами выговаривавшее то страшное слово - о том, что я раскаюсь ... Так она тогда во время ссоры сказала мне ...

ЛЕВИН. Не могу ли я быть полезным? Не нужно ли вам письмо к моим друзьям в Сербии?

ВРОНСКИЙ. Письмо? Для того чтоб умереть, не нужно рекомендаций. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не нужна. Кому-нибудь пригодится.

ЛЕВИН. Вы возродитесь. Избавление своих братьев от ига есть цель, достойная и смерти, и жизни. Дай вам Бог успеха внешнего и внутреннего мира.

ВРОНСКИЙ. Да, как орудие, я могу годиться на что-нибудь. Но, как человек, я - развалина.

Он замолк, взглядываясь в колеса медленно и гладко подкатывавшегося по рельсам тендера.

Я хочу её помнить такую, какою она была, когда я в первый раз встретил ее тоже на станции, таинственною, любящею, ищущею и дающею счастье, а не жестоко-мстительною, какою она вспоминалась мне в последнюю минуту. Я старался вспоминать лучшие минуты с нею, но эти минуты были навсегда отравлены. Зубы болят, невыносимо ...

ЛЕВИН. Прощайте. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

ВРОНСКИЙ. Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Гости съезжались на бал ... Прощайте.

Пение и крики встретили добровольцев на вокзале, явились с кружками сборщицы и сборщики, и губернские дамы поднесли букеты добровольцам и пошли за ними в буфет.

Левин и Вронский разошлись по своим вагонам после второго звонка.

ЛЕВИН. Когда я спрашиваю себя о том, что такое я и для чего я живу, я не нахожу ответа и прихожу в отчаяние. Но когда я перестаю спрашивать себя об этом, я как будто знаю, что я такое и для чего живу, потому что я твердо и определенно действовал и жил. Даже в это последнее время я гораздо тверже и определеннее жил, чем прежде. Во время родов жены со мной случилось необыкновенное событие. Я, неверующий, стал молиться и в ту минуту, как молился, верил. Но прошла эта минута, и я не мог дать этому тогдашнему настроению никакого места в своей жизни. Я не мог признать, что я тогда знал правду, а теперь ошибаюсь, потому что, как только я начинаю думать спокойно об этом, все распадается вдребезги. Я был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него. Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно - нельзя жить. В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот – я. Это была мучительная неправда, но это был единственный, последний результат вековых трудов мысли человеческой в этом направлении. Это было то последнее верование, на котором строились все, во всех отраслях, изыскания человеческой мысли. Но это не только была неправда, это была жестокая насмешка какой-то злой силы, противной и такой, которой нельзя было подчиняться. Надо было избавиться от этой силы. И избавление в руках каждого. Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство – смерть. И, я счастливый семьянин, здоровый человек, был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Но я не застрелился и не повесился и продолжал жить.

КИТИ. Ну, я рада, что ты начинаешь любить нашего ребенка. А то это меня уже начинало огорчать. Ты говорил, что ничего к нему не чувствуешь.

ЛЕВИН. Нет, разве я говорил, что я не чувствую? Я только говорил, что я разочаровался.

КИТИ. Как, в нем разочаровался?

ЛЕВИН. Я разочаровался в своем чувстве. Я ждал больше. Я ждал, что распустится во мне новое приятное чувство. Нынче я понял, как я люблю его.

КИТИ. А ты очень испугался? И я тоже, но мне теперь больше страшно, как уж прошло.

ЛЕВИН. Бог говорит: «Не мстите сами, это сделаю Я». Мне отмщение и аз воздам. Что за тайна в этих словах? Это тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами. Это новое чувство не изменило меня, не осчастливило, не просветило вдруг, как я мечтал, так же как и чувство к сыну. А вера – не вера – я не знаю, что это такое, – но чувство это

так же незаметно вошло страданиями и твердо засело в душе. Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, буду некстати высказывать свои мысли, так же будет стена между святой святых моей души и другими, даже женой моей, так же буду обвинять ее за свой страх и раскаиваться в этом, так же буду не понимать разумом, зачем я молюсь, и буду молиться, но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее – не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!

Темнота

Занавес

Конец

июль 2021 года,

Екатеринбург